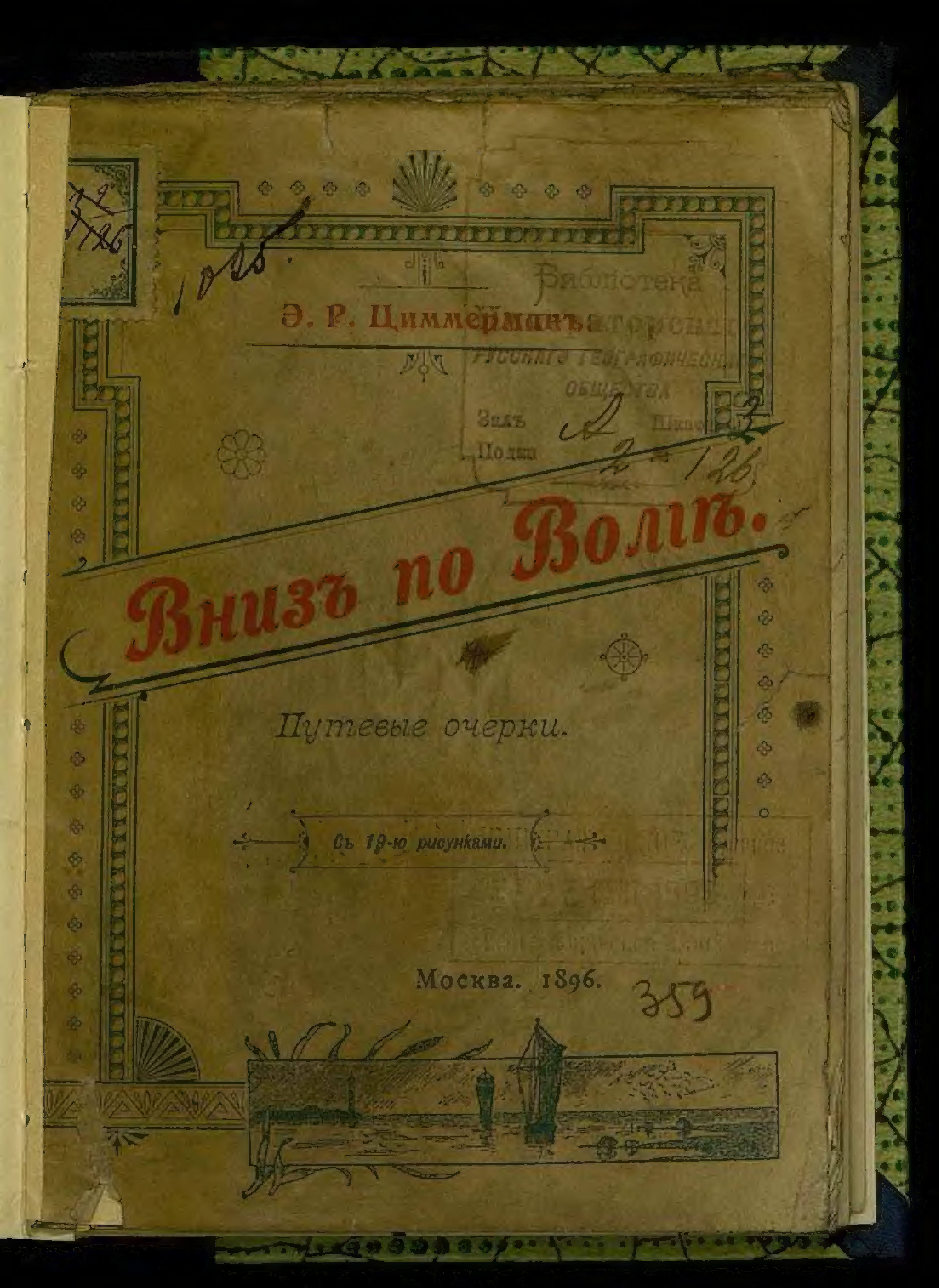
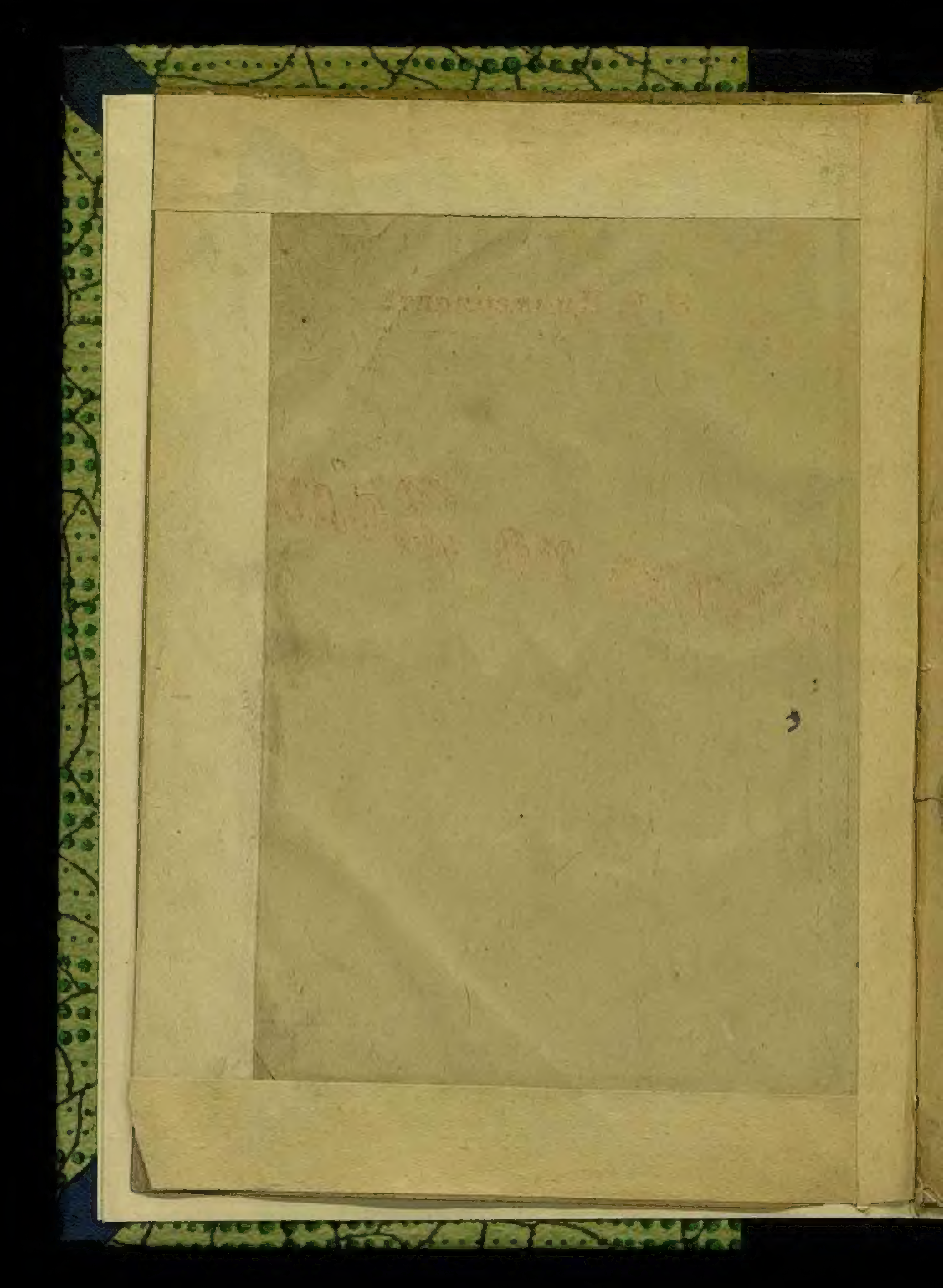

Э. Р. Циммерманъ
Внизъ по Волгѣ.
Путевые очерки.
Съ 19-ю рисунками.
Москва. 1896.

Э. Р. Циммерманъ.

Внизъ

по Волгѣ.

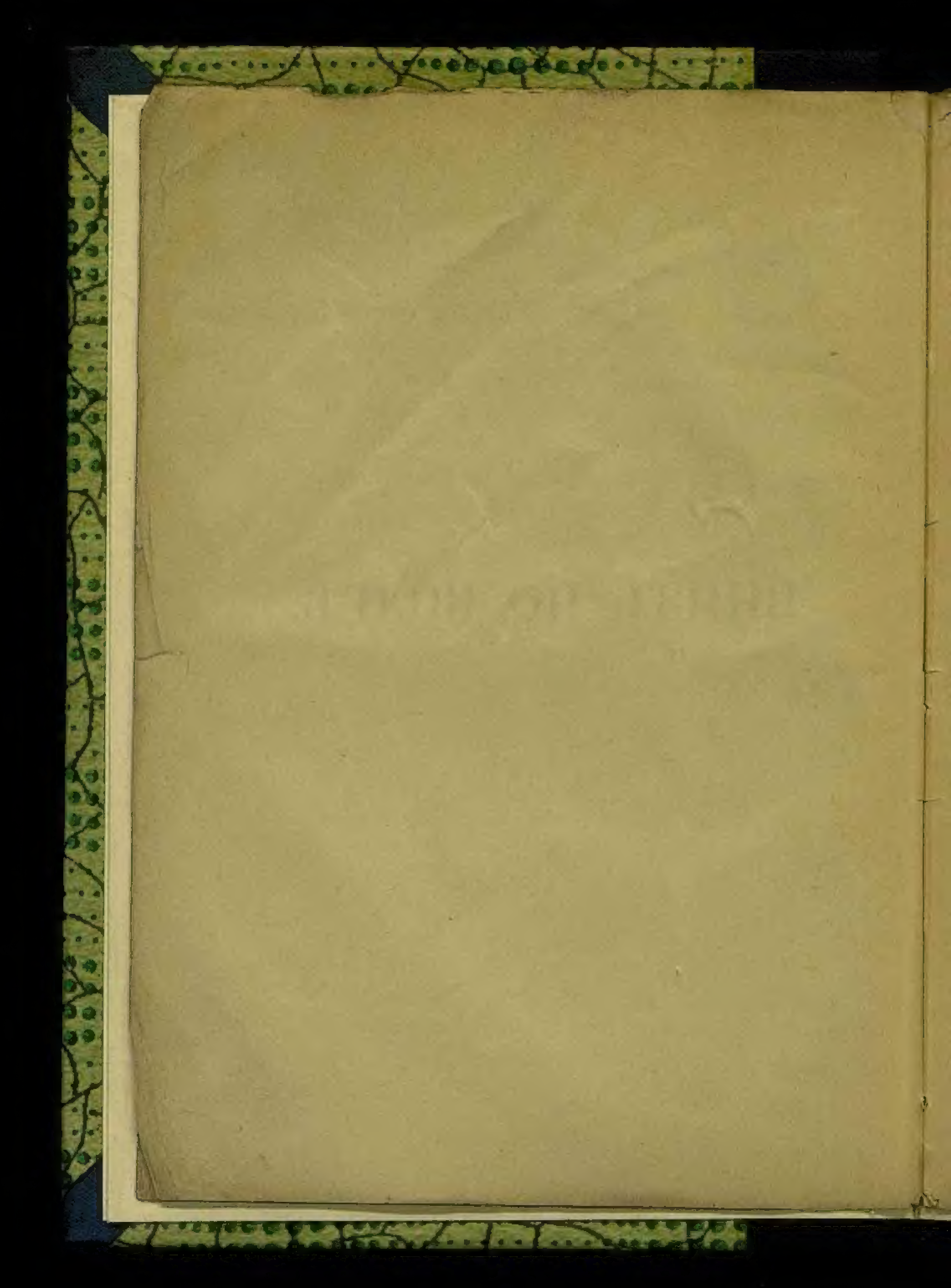
ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

съ 19-ю рисунками.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 27 мая 1896 года.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ*).

Путевые очерки Э. Р. Циммермана.

I.

Отъ истока до Твери.

Зимой, когда земля у насъ покрыта толстымъ слоемъ снѣга и рѣки скованы льдомъ, — въ это время льдистая поверхность Волги представляетъ одинъ изъ лучшихъ естественныхъ гужевыхъ путей сообщенія. Тогда по рѣкѣ, словно бѣлая скатерть, стелется гладкая, ровная санная дорога. Пользуясь этимъ безыскусственнымъ, но весьма удобнымъ путемъ въ морозное время, крестьяне цѣлыми обозами тянутся по льду, перевозя изъ разныхъ мѣстъ хлѣбъ зерномъ и другіе продукты въ приволжскія пристани. Однако въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рѣка, уклонившись отъ своего главнаго

*) Источниками мнѣ служили: нѣмецкая книга Германа Роскошни, подъ заглавіемъ «Волга и ея притоки», также Рагозина «Волга».

направленія, дѣлаетъ слишкомъ большія извилины въ ту или другую сторону, возчики поневолѣ покидаютъ ровную рѣчную дорогу. Поднявшись въ такомъ мѣстѣ на берегъ, они переваливаютъ черезъ материкъ, гдѣ-нибудь далѣе опять спускаются къ рѣкѣ и продолжаютъ путь по ровной льдистой поверхности ея. Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „Балетъ“ яркими строфами очертилъ эту зимнюю картину:

«Въ январѣ, когда крѣпки морозы,
И народъ уже рекрутовъ сдалъ,—
На Руси, на проселкахъ пустынныхъ,
Много тянется поѣздовъ длинныхъ...
Прямикомъ черезъ рѣки, поля
Ѣдутъ путники узкой тропою...
Въ бѣломъ саванѣ смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
. . . .
Снѣжно, холодно, мгла и туманъ...
И по этой унылой равнинѣ
Шагъ за шагомъ идетъ караванъ
Съ сѣдоками въ промерзлой овчинѣ»

По временамъ по той же дорогѣ на лихой тройкѣ промчится, спѣша домой, приволжскій помѣщикъ. Нерѣдко показывается также купецъ или приказчикъ, разъѣзжающій для закупки разныхъ товаровъ, въ особенности хлѣба въ зернѣ, по селамъ и деревнямъ.

Это санное движеніе по рѣкѣ длится до тѣхъ поръ, пока весенніе вѣтры не взрыхлятъ толстую ледяную кору, такъ что становится опасно пускаться по ней даже въ легкихъ саняхъ. Тогда надо ждать, что скоро вскроется рѣка, и какъ только пройдетъ ледъ, то по ней двинутся вверхъ и внизъ пароходы и разныя, нагруженныя товаромъ, крупныя и мелкія суда; по рѣкѣ и по берегамъ ея закипитъ шумная торговая дѣятельность, жизнь всюду забьетъ живымъ ключомъ.

Однако ледъ по Волгѣ проходитъ не вездѣ въ одно и то же время: въ Астрахани рѣка вскрывается уже около половины марта, далѣе къ сѣверу, въ Царицынѣ,—обыкновенно въ началѣ апрѣля, а въ Твери — въ среднихъ числахъ того же мѣсяца. Вслѣдствіе этого пароходы и другія суда пускаются въ путь по рѣкѣ вообще около 15-го апрѣля. Люди, бывавшіе на Волгѣ, совѣтовали мнѣ ѣхать по ней какъ можно раньше весною, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться временемъ разлива рѣки, а иначе лѣтомъ вода въ ней сильно спадаетъ, такъ что нерѣдко приходится подолгу стоять на мели. Слѣдуя благому совѣту, я въ концѣ апрѣля 1892 г. отправился въ Тверь, съ цѣлью спуститься оттуда на пароходѣ внизъ по Волгѣ. Прежде, однако, чѣмъ двинуться отсюда по начинающемуся среднему теченію рѣки, познакомимся сначала

хоть сколько-нибудь съ истокомъ и верхнимъ теченіемъ ея.

На Валдайской возвышенности, въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, среди топкаго болота стоитъ простая деревянная часовенка. Если бъ намъ случайно попасть въ эту пустынную мѣстность, то мы никакъ не могли бы догадаться, ради чего эта часовня поставлена въ такой трясинѣ, пройти по которой можно развѣ въ болотныхъ сапогахъ, да и то не вездѣ. Отъ берега по болоту ко входу проложены дощечки. По словамъ посѣтившаго въ прошломъ году эту мѣстность г. Анучина, часовня имѣетъ все тотъ же видъ, какъ она описана у г. Рагозина, въ его книгѣ подъ заглавіемъ: „Волга". Убогая часовенка занимаетъ полторы сажени въ квадратѣ. Она крыта тесомъ, а верхушка ея увѣнчана небольшимъ крестомъ. Пробравшись по шаткимъ мосткамъ ко входу, мы внутри, въ лѣвомъ углу часовни, увидимъ простенькій образъ Спасителя, а посреди пола—четырехугольное отверстіе, въ которое опущенъ небольшой срубъ, доверху наполненный болотистою водою. Невольно подумаешь, съ какой стати устроили здѣсь этотъ колодецъ, въ которомъ и вода-то совсѣмъ непріятна на вкусъ? Да врядъ ли кто и употребляетъ здѣсь для питья эту, хотя довольно прозрачную, но съ красноватымъ оттѣнкомъ, бо-

лотистую воду. Недоумѣнье наше разрѣшается, когда узнаемъ, что передъ нами здѣсь истокъ Волги: часовенка эта, такъ сказать, скромная колыбель великой рѣки, равной которой нѣтъ въ Европѣ!

И дѣйствительно, Дунай и Рейнъ, эти самыя

Часовня у истоковъ Волги.

большія рѣки въ западныхъ краяхъ нашего материка, по ихъ размѣрамъ могутъ быть причислены развѣ къ притокамъ Волги: длина ея отъ истока до впаденія въ Каспійское море простирается до 3500 верстъ слишкомъ, тогда какъ длина Дуная доходитъ до 2700 верстъ, а Рейна—1250 верстъ.

Надъ самымъ болотомъ, гдѣ стоитъ часовня, на горкѣ, расположилась деревушка, по имени Волгино Верховье или просто Волга, какъ называетъ ее народъ. Она пріютилась въ этой пустынной мѣстности какъ бы нарочно для того, чтобы сторожить колыбель нашей великой рѣки. Какъ скроменъ истокъ ея, такъ точно тихо, едва замѣтно, въ самомъ началѣ теченіе ручейка близъ часовни. Немного подалѣе отъ нея онъ, шириною въ одинъ или полтора аршина, тихо пробирается по болоту между зыбкими берегами, огибаетъ деревню и вступаетъ въ недальній еловый боръ. Тамъ, подъ сѣнью не очень большихъ елей, увѣшанныхъ сѣрыми длинными космами моха, ручеекъ лѣниво струится далѣе.

Въ этомъ отношеніи Волга представляетъ рѣзкую противоположность какъ Рейну, такъ и вообще другимъ большимъ рѣкамъ. Онѣ обыкновенно разбиваются на три теченія: на верхнее, среднее и нижнее. Зародившись высоко на Альпахъ и напитавшись водами изъ-подъ ледниковъ, Рейнъ въ верхнемъ теченіи быстро и шумно несется съ горныхъ высотъ по усыпаннымъ камнями крутымъ скаламъ, и потомъ по пути низвергается со скалъ великолѣпнымъ водопадомъ. У Лермонтова наглядно и поэтично изображено такого рода верхнее теченіе рѣки въ стихахъ:

«Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
По по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ», и т. д.

Наша Волга, напротивъ того, съ самаго истока скромно и тихо, словно крадучись, пробирается по трясинамъ и лѣсамъ. Выбравшись изъ одного бора, ручеекъ входитъ въ другой и какъ бы расплывается въ одно сплошное болото, въ которомъ нельзя даже разобрать береговъ рѣчки. Это мѣсто называется озеромъ и оказывается на самомъ дѣлѣ вовсе недоступною для людей трясиною. Здѣсь настоящій притонъ бекасовъ, болотныхъ курочекъ, дикихъ утокъ.

Пройдя версты двѣ-три, ручей опять вступаетъ въ болѣе замѣтное русло и принимаетъ въ себя первый незначительный притокъ. Встрѣтивъ по пути другое, болѣе широкое озеро и принявъ въ себя еще два ручейка въ видѣ притоковъ, Волга течетъ далѣе уже настоящею рѣчкою въ десять, даже двѣнадцать шаговъ ширины. Тутъ по берегамъ встрѣчаются такъ называемые дикіе камни, достигающіе иногда значительной величины. Такіе же камни нерѣдко попадаются въ самомъ руслѣ. Въ такомъ случаѣ они сильно стѣсняютъ те-

ченіе; молодая рѣчка настолько уже окрѣпла, что плещетъ и пѣнится по камнямъ, какъ будто хочетъ своротить эти помѣхи съ своего пути. Потомъ встрѣчаются опять озера, но уже гораздо обширнѣе прежнихъ. Одно изъ нихъ, по имени Стержъ, тянется верстъ на десять въ длину при ширинѣ въ одну версту. По берегамъ его, между огромными валунами, разсыпано слишкомъ двадцать небольшихъ деревушекъ. Въ это озеро, помимо Волги, несутъ свои воды еще два другіе ручья, а къ южному концу его съ западной стороны подходитъ третья рѣчка, Руна.

Притокъ Руна замѣчателенъ тѣмъ, что нѣкоторые географы считали его настоящимъ истокомъ Волги, и не даромъ: оттого что до впаденія своего въ озеро Стержъ Руна пробѣжала уже 43 версты, тогда какъ ручей, носящій названіе Волги, отъ часовни у Волго-верховья прошелъ всего только девять верстъ до озера. Если, поэтому, началомъ рѣки признать тотъ притокъ, который пробѣжалъ большее разстояніе, то по приговору ученыхъ географовъ истокомъ Волги слѣдовало бы считать Руну. Однако народъ съ давнихъ поръ уже придалъ свои названія ручьямъ и рѣкамъ, и географіи, вопреки всѣмъ выводамъ ученыхъ, поневолѣ приходится примѣняться къ народнымъ прозвищамъ; такъ что источникомъ Волги

все-таки признается ключъ въ описанной нами часовнѣ среди болота.

Не успѣла Волга покинуть Стержъ, какъ встрѣтила еще два большихъ озера, непосредственно примкнувшія другъ къ другу, такъ что они почти сливаются воедино. Посреди одного изъ этихъ озеръ, на островѣ въ рощѣ, пріютился небольшой монастырь,—Новосоловецкая пустынь. Отсюда мѣстность стала живописнѣе и нѣсколько оживленнѣе прежняго. Наша рѣчка въ полую воду становится отчасти судоходною.

Вскорѣ, однако, встрѣчаются въ руслѣ особаго рода помѣхи для судоходства, а именно: со дна рѣки мѣстами торчатъ затонувшія деревья, занесенныя сюда, какъ надо полагать, притоками Волги. Эти коряги, или корши, какъ называютъ ихъ мѣстные крестьяне, то высовываютъ вверхъ сучья словно оленьи рога, то скрываются подъ самою поверхностью воды. Пробираясь между ними въ лодкѣ, то и дѣло натыкаешься на эти торчащіе со дна пни и сучья. Понятно, что въ такихъ мѣстахъ судоходство крайне затруднительно; даже простые плоты едва пробираются тутъ, и то лишь съ опаскою, въ самую полую воду.

Такіе плоты весной дѣйствительно сплавляются сюда по довольно значительному притоку Волги,

а именно — по Жукопѣ. Протекая съ юга на сѣверъ, она по берегамъ своимъ изобилуетъ лѣсами.

Послѣ этого главная рѣка наша вливается опять въ озеро Волго, въ которое, помимо того, впадаютъ еще три рѣчки. Отсюда наша Волга выходитъ уже довольно значительнымъ потокомъ съ нѣсколько возвышенными берегами, на которыхъ стоятъ деревня съ одной и село—съ другой. Протекая до сихъ поръ то по болотамъ, то по лѣсамъ, перескакивая по камнямъ, разсыпаннымъ по дну русла, или пробираясь между опасными коршами, Волга въ началѣ своего теченія представляетъ вообще пустынные, дикіе виды, мало привлекательныя картины, рѣдко оживляемыя движеніемъ человѣческой дѣятельности. По берегамъ попадаются кое-гдѣ небогатыя деревни, крестьяне которыхъ занимаются земледѣліемъ, скудно вознаграждающимъ ихъ непосильный трудъ.

Но вотъ, когда рѣка прошла уже почти сто верстъ, начиная отъ самой часовни у Волго-верховья, на ней показывается весьма важное и интересное сооруженіе: это — спасательные верхневолжскіе шлюзы, такъ называемый бейшлотъ, снабжающій рѣку въ дальнемъ ея теченіи водою, когда она обмелѣетъ въ лѣтнюю пору. Тутъ, прежде всего, вы видите передъ собою перекинутый съ

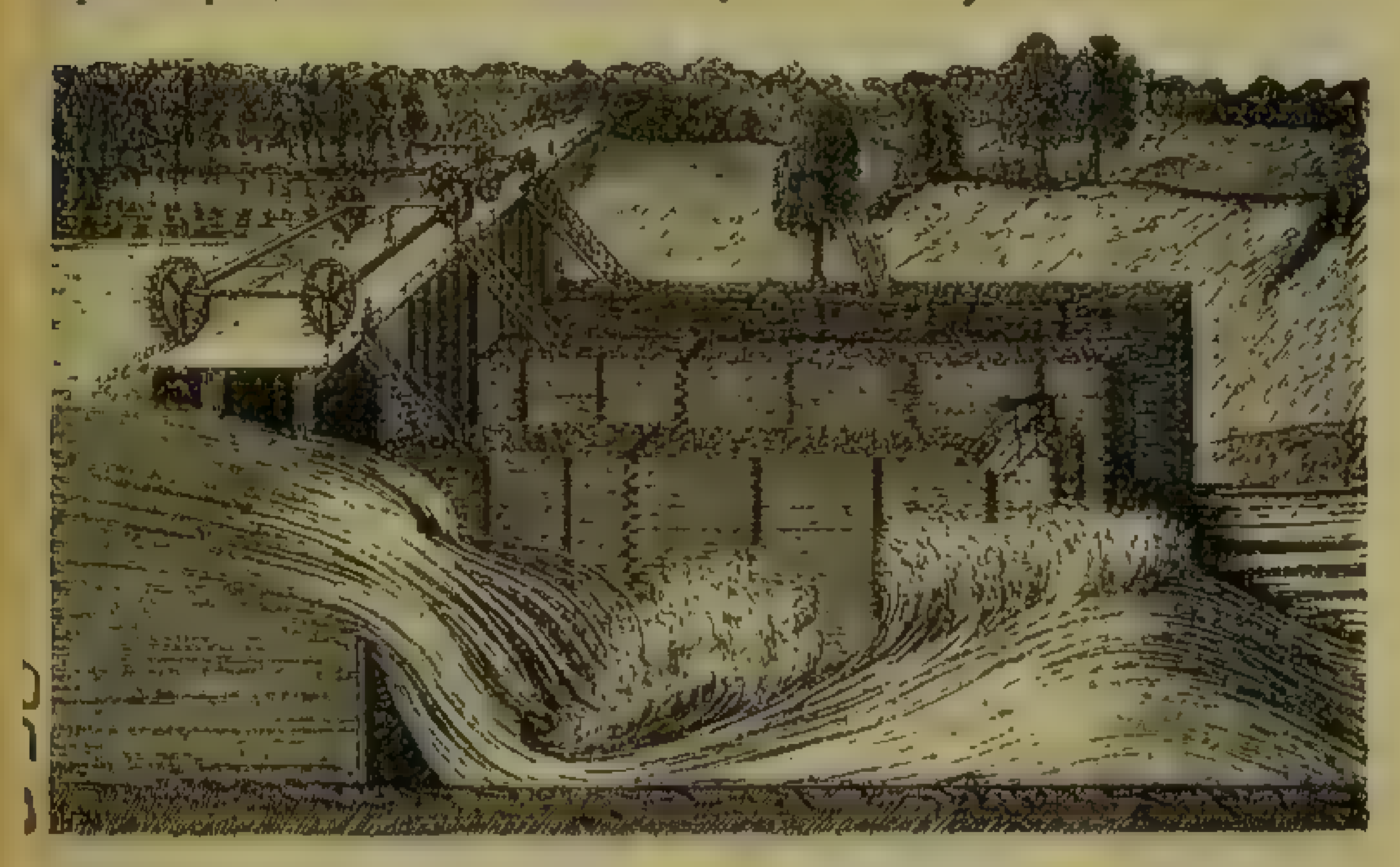
одного возвышеннаго берега на другой мостъ, саженей въ тридцатъ длины. Однако, по приложенному здѣсь чертежу уже можно убѣдиться, что этотъ мостъ предназначенъ не для проѣзда по немъ экипажей. И дѣйствительно, вдоль по обѣ его стороны стоятъ нѣсколько паръ большихъ деревянныхъ колесъ, вставленныхъ въ концахъ здоровыхъ валовъ. Чтобы понять, для чего служатъ эти валы съ колесами, подойдемъ поближе и взглянемъ внизъ по теченію; тутъ увидимъ, вопервыхъ, шесть громадныхъ продолговатыхъ ящиковъ или, точнѣе говоря, срубовъ, набитыхъ доверху камнемъ и землей. Это — такъ называемые устои; и теперь вы догадаетесь, что передъ вами плотина, слабое понятіе о которой можетъ дать, пожалуй, всякая плотина, какая строится при обыкновенной водяной мельницѣ. Два устоя примыкаютъ къ обоимъ берегамъ, а четыре размѣщены поперекъ рѣки, на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Такимъ образомъ, подъ мостомъ вода можетъ протекать пятью пролетами между устоями, но только тогда, когда ея пустятъ. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ изъ пролетовъ съ обѣихъ сторонъ утверждены по два ряда столбовъ, въ пазы которыхъ вставлены большіе деревянные плотные щиты, не пропускающіе воду сверху. И дѣйствительно, если вы, стоя на правомъ берегу

у самаго моста, посмотрите влѣво, т. е. вверхъ по рѣкѣ, то замѣтите, что тамъ вода стоитъ гораздо выше, чѣмъ по другую сторону моста, т. е. внизъ по теченію. Упомянутыя колеса на валахъ и служатъ для того, чтобы при помощи канатовъ, снабженныхъ желѣзными крючьями, выдвигать наверхъ щиты и открыть, такимъ образомъ, пролеты, когда хотятъ сверху спустить воду, т. е. отворить шлюзъ.

Зимой, когда рѣка скована льдомъ, всѣ щиты подняты; значитъ, бейшлотъ отпертъ, и вода въ Волгѣ принимаетъ вездѣ свой естественный, нормальный уровень; въ это время вы увидите, что вода влѣво отъ моста стоитъ на одной высотѣ съ водою вправо отъ него. Когда послѣ теплыхъ весеннихъ дней растаютъ снѣга, съ горъ побѣгутъ ручьи и раскроются рѣки, то во всѣ пролеты бейшлота вставляются щиты, съ тѣмъ, чтобы запастись водой на лѣто: шлюзъ, значитъ, запертъ. Въ эту водообильную пору какъ сама Волга, такъ и притоки ея переполнены водою. Выступивъ изъ береговъ, рѣки разливаются, и попадавшіяся намъ до сихъ поръ по пути Волги озера соединяются уже въ одно громадное озеро. Тогда въ верховьяхъ нашей рѣки нѣтъ никакой возможности разобрать берега ея: она вмѣстѣ съ озерами на протяженіи восьмидесяти верстъ образуетъ одно

запасное водохранилище—такъ называемый верхневолжскій бассейнъ.

Среди знойнаго лѣта, когда быстро мелѣютъ потоки, гдѣ-нибудь внизъ по рѣкѣ, у Твери, напримѣръ, вода въ Волгѣ сильно убываетъ, такъ

Бейшлотъ.

что ни пароходы ни барки не могутъ уже ходить по мелководью. Въ такомъ случаѣ начальника бейшлота извѣщаютъ о недостаткѣ воды, и онъ велитъ поднять нѣсколько щитовъ. Вода сверху съ оглушительнымъ ревомъ, словно водопадъ, устремляется въ открытые пролеты, бурлитъ, клокочетъ и пѣнится, несется далѣе и пополняетъ убыль

въ рѣкѣ настолько, что ставшія подъ Тверью суда въ состояніи сдвинуться съ мели и продолжаютъ свой путь внизъ по Волгѣ. Однако, не въ день и даже не въ два вода поспѣетъ къ Твери: ей отъ бейшлота приходится пробѣжать болѣе 200 верстъ, такъ что она подходитъ къ Твери только на шестыя сутки, при чемъ поднимаетъ уровень рѣки почти на 10 вершковъ. Чѣмъ далѣе отъ бейшлота, тѣмъ, конечно, требуется еще болѣе времени для перехода воды и тѣмъ менѣе повышается уровень. При устьи Мологи, на разстояніи 500 верстъ, онъ поднимается всего только на полтора вершка. И за это судохозяева даже много благодарны спасительному бейшлоту, иначе имъ пришлось бы, пожалуй, паузиться, т. е. большую часть груза въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ переложить на другія суда или баржи съ тѣмъ, чтобы облегчить пароходъ. Наемъ баржей и нѣсколькихъ сотенъ людей для перегрузки сопряженъ съ значительными расходами, что, конечно, весьма убыточно для судохозяевъ. Хорошо еще, если фарватеръ рѣки, т. е. самое глубокое въ ней мѣсто, служащее для прохода судовъ, настолько глубокъ, что разгруженный наполовину пароходъ будетъ наконецъ въ состояніи вмѣстѣ съ баржами двинуться впередъ. Пройдя затѣмъ въ болѣе глубокій фарватеръ, пароходъ снова принимаетъ весь свой

грузъ съ баржей и продолжаетъ итти до мѣста назначенія.

Послѣ бейшлота Волга течетъ по направленію къ юго-востоку; она становится уже настоящею рѣкою, по которой могутъ ходить суда не только внизъ, но также вверхъ противъ теченія. Ширина рѣки доходитъ здѣсь до тридцати саж., а далѣе она еще шире. На десятой верстѣ отъ бейшлота Волга принимаетъ два притока, именно съ юга Песочню, а съ сѣвера Селижаровку. При устьѣ этой рѣчки расположилось большое селеніе съ монастыремъ — Селижаровскій посадъ. Селижаровка замѣчательна еще тѣмъ, что вытекаетъ изъ озера Селигера, которое еще не такъ давно многими принималось за истокъ самой Волги. Правда, живущіе вокругъ Селигера мѣстные крестьяне никогда не впадали въ такую грубую ошибку, зная очень хорошо, что изъ ихъ озера вытекаетъ не Волга, а только притокъ ея, Селижаровка.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что обитатели Селижаровскаго посада промышляютъ, между прочимъ, рыболовствомъ. Главный предметъ лова составляетъ мелкая рыбка, извѣстная подъ названіемъ снитковъ. Эта серебристаго цвѣта рыбка относится къ разряду лососевыхъ; она сродни корюшкѣ. Впрочемъ, подъ именемъ снитковъ, вмѣ-

стѣ съ ними поступаетъ въ продажу всякая мелкая рыба другихъ породъ.

Обратимъ еще вниманіе на то, что Селижаровкѣ предстоитъ, можетъ-быть, въ недальнемъ будущемъ занять весьма важное мѣсто въ волжской системѣ. Дѣло въ томъ, что Волга, этотъ главный водяной путь въ Россіи, все болѣе и болѣе мелѣетъ годъ отъ году. Вслѣдствіе этого въ прошлыя два лѣта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по рѣкѣ сообщеніе совсѣмъ прекратилось, такъ что верхневолжскій бейшлотъ оказался недостаточнымъ для пополненія убылой воды. А между тѣмъ пароходство и вообще судоходство по рѣкѣ расширяется. Для того, чтобы пополнить возрастающую убыль воды, инженеры предлагаютъ устроить другое запасное водохранилище, другой бейшлотъ, подобный верхневолжскому. Вотъ этотъ новый бейшлотъ и предполагается помѣстить при Селижаровкѣ. Тогда рѣка и озеро Селигеръ окажутъ, конечно, крайне благотворное вліяніе на судоходство по Волгѣ.

Принявъ въ дальнѣйшемъ теченіи еще двѣ рѣки съ лѣвой стороны, а именно Большую и Малую Кошу, Волга становится все обильнѣе водою и прибываетъ, особенно въ глубину, такъ что по ней уже свободно проходятъ плоты. Однако имъ все еще слѣдуетъ подвигаться впередъ съ оглядкой:

разсыпанные по дну русла камни подходятъ иногда такъ близко къ поверхности воды, что образуютъ мѣстами трудноодолимыя преграды судоходству, а именно такъ называемые пороги. Самый опасный изъ нихъ—Бенскій порогъ, верстахъ въ пятидесяти отъ бейшлота. Для того, чтобы имѣть понятіе о такой преградѣ, представимъ себѣ груду камней, разсыпанныхъ по руслу отъ одного берега до другого саженъ на пятьдесятъ въ ширину. Скатъ рѣки въ такомъ мѣстѣ бываетъ, обыкновенно, гораздо наклоннѣе, чѣмъ вверхъ по теченію, а потому вода тутъ стремительно несется внизъ, пѣнясь и разбиваясь о торчащіе вверхъ угловатые камни. Бѣда, если лодка или плоты неожиданно попадутъ на такой порогъ: уносимые быстринами, они ударяются о камни съ такою силою, что связи разрываются, и плоты разносятся по бревну. Къ счастью, сама рѣка въ стремительномъ бѣгѣ прорыла въ руслѣ узкую полосу, въ которой вода настолько глубока, что суда могутъ по ней проходить. Такое, болѣе глубокое и доступное для судовъ, мѣсто находится обыкновенно ближе къ одному изъ береговъ. Въ этомъ фарватерѣ, или въ головѣ порога, какъ выражаются лоцманы, теченіе бываетъ еще быстрѣе и шумнѣе; вода тутъ сильно волнуется и клокочетъ, что однако не мѣшаетъ проходить плотамъ и судамъ, лишь бы лоц-

манъ сумѣлъ направить ихъ такъ, чтобы они не ударились о камни, торчащіе по правую и лѣвую сторону головы. Дѣло не легкое, тѣмъ болѣе, что судно, попавъ въ фарватеръ, среди шума и плеска стремительно несется внизъ по пѣнящимся волнамъ и вмигъ можетъ налетѣть на большой камень, если лоцманъ не успѣетъ отклонить его въ сторону.

Въ руслѣ Волги часто попадаются также валуны довольно большихъ размѣровъ. Эти, одиноко торчащіе со дна, камни называются одинцами. Иногда они выступаютъ надъ уровнемъ словно морскія скалы въ маломъ видѣ; но чаще таятся не очень глубоко подъ поверхностью воды, словно опасныя подводныя шхеры. Издали ихъ можно распознать лишь по бурлящей надъ ними водѣ.

Откуда же однако взялись эти камни на порогахъ и эти одинцы? Случается, правда, что берегъ рѣки каменистый; въ немъ иногда подъ слоемъ глинистой или песчаной почвы скрывается известнякъ. Въ такомъ случаѣ весною, когда высокій берегъ Волги размывается вытекающими изъ-подъ талаго снѣга ручьями, глина сносится водою, известнякъ обнажается и большими кусками скатывается внизъ на край берега или на самое дно русла. Тутъ, конечно, легко убѣдиться, что въ рѣкѣ и по берегамъ попадаются камни той же

породы, какая находится въ нѣдрахъ земли на крутыхъ береговыхъ скатахъ. Но между этими мѣстными породами попадаются еще другіе камни.

Стоитъ только осмотрѣть одинцы на днѣ рѣки и валуны на порогахъ, и мы легко убѣдимся, что они состоятъ не изъ известняка, а совершенно изъ другихъ горныхъ породъ, какихъ вовсе не находимъ въ нѣдрахъ земли по берегамъ Волги. Это, напротивъ, такъ называемый булыжникъ, или дикій камень, какимъ мостятся обыкновенно улицы въ Москвѣ и другихъ городахъ. Онъ гораздо тверже известняка и совсѣмъ другого вида и цвѣта. Не только на днѣ и по берегамъ рѣки попадается этотъ твердый булыжникъ, но его много разсыпано также на сушѣ, по полямъ и даже въ лѣсахъ. Иногда онъ слегка прикрытъ растительнымъ слоемъ, лишаями. Мы видѣли, что недалеко отъ истока Волги попадаются такіе же дикіе камни. Въ тѣхъ мѣстахъ они уже никакъ не могли попасть отъ размытія береговъ оттого, что тамъ вовсе нѣтъ такихъ высокихъ береговыхъ скатовъ. Въ Тверской губерніи, особенно въ Осташковскомъ уѣздѣ, а также въ Московской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ встрѣчается пропасть такихъ камней разной величины: иные бываютъ съ кулакъ, другіе въ два-три обхвата, иногда попадаются валуны аршинъ въ пять въ длину, а выши-

ною въ ростъ человѣка. Мелкіе камни имѣютъ, большею частью, округленную неправильную форму, какъ можно убѣдиться по булыжнику, которымъ мостятся наши улицы. Впрочемъ, болѣе крупные тоже какъ будто обточились со всѣхъ сторонъ, такъ что острые углы и края ихъ сглажены, какъ будто камень обтерся, обтесался. Тамъ, въ Осташковскомъ уѣздѣ, намъ случалось его видѣть въ большомъ количествѣ: цѣлыя поля чуть ли не сплошь покрыты голышами. Какъ ни трудно пахать такое поле, однако крестьяне все-таки пашутъ и сѣютъ хлѣбъ по усыпанной камнемъ почвѣ. Во многихъ мѣстахъ пахари собираютъ эти голыши съ полей и складываютъ въ кучи по межамъ. Потомъ камень отвозится въ города для мощенія улицъ.

Спрашивается, наконецъ, какимъ образомъ попалъ сюда этотъ булыжникъ? Если сперва узнать, откуда онъ взялся, то можно будетъ допытаться, какъ онъ попалъ въ эти мѣста. А для этого прежде всего необходимо разобрать, къ какой породѣ принадлежитъ нашъ камень.

Гуляя по городу, мы видимъ, что булыжникъ, которымъ вымощены наши улицы, снаружи сѣраго цвѣта. Но это такъ только кажется оттого, что онъ покрытъ пылью. А вглядитесь въ тотъ же камень послѣ дождя, когда водой смоется съ него

пыль: тогда вы замѣтите, что онъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: то красноватый, то желтый или свѣтло-бурый, попадается даже синій или зеленоватый. Если расколоть иной валунъ, то по излому тотчасъ можно убѣдиться, что онъ относится къ одной изъ твердыхъ гранитныхъ породъ, изъ какихъ состоятъ вообще такъ называемыя первозданныя горы. Однако, въ мѣстахъ, гдѣ разсыпаны эти камни, такихъ горъ никогда не бывало. Ихъ по сосѣдству нигдѣ не видать. Но далѣе къ сѣверу, именно въ Финляндіи и Швеціи высятся первозданныя гранитныя скалы. Если сравнить съ ними нашъ булыжникъ, то легко убѣдиться, что онъ одной природы съ этими финляндскими скалами.

На самомъ дѣлѣ оказывается, что одинцы и другіе камни не что иное какъ искони занесенные на югъ осколки финляндскихъ горъ. Ученые слѣдующимъ образомъ объясняютъ появленіе этихъ осколковъ на такомъ далекомъ разстояніи отъ первозданныхъ горъ. Милліоны лѣтъ тому назадъ поверхность земного шара представлялась совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ въ наше время: тогда во многихъ мѣстахъ, гдѣ теперь находится суша, было море, и наоборотъ,– тамъ, гдѣ нынѣ море, была мѣстами суша. Въ эту стародавнюю эпоху вся мѣстность, которую мы прослѣдили отъ вер-

ховьевъ Волги, вся Валдайская возвышенность была дномъ обширнаго воднаго бассейна. Множество озеръ, разсыпанныхъ въ этой мѣстности, представляютъ нынѣ какъ бы слѣды, остатки этого бывшаго обширнаго прѣсноводнаго моря. Въ то же самое время горы въ Швеціи и Финляндіи были, подобно нынѣшнимъ Альпамъ въ Швейцаріи, покрыты громадными ледниками. Скользя по скатамъ горъ, эти ледники, или глетчеры, съ неодолимою силою сокрушали все попадавшееся имъ по пути. Они отрывали отъ скалъ обломки и, врѣзываясь далѣе къ югу, уносили ихъ съ собою; во время этого движенія камни терлись о скалы, обтачивались, сглаживались. Подобное движеніе глетчеровъ съ уносимыми ими камнями наблюдается также въ наше время въ швейцарскихъ Альпахъ. Отдѣлившись отъ общей массы, глетчеры въ видѣ громадныхъ ледяныхъ горъ плыли далѣе по тому прѣсноводному Валдайскому бассейну, унося съ собою охваченные льдомъ гранитные осколки. Въ полярныхъ странахъ и въ настоящее время еще встрѣчаются подобныя плавающія по океану ледяныя горы. Переносясь изъ холодныхъ странъ Финляндіи въ болѣе теплые края, ледъ понемногу таялъ, и скованные имъ камни, отдѣлившись отъ ледяной массы, падали на дно бассейна. Когда, по истеченіи многихъ тысячелѣтій,

это дно поднялось, вода съ него стекла, и оно стало сушею, то камни остались на его поверхности, служа нѣмыми свидѣтелями тѣхъ громадныхъ переворотовъ, какіе совершались на нашей землѣ.

Вотъ какъ въ наукѣ о земной корѣ, въ геологіи, объясняется появленіе въ руслѣ и по берегамъ Волги одинцовъ и другихъ камней, извѣстныхъ вообще подъ названіемъ эрратическихъ валуновъ.

Миновавъ благополучно грозный Бенскій порогъ, плоты въ дальнѣйшемъ плаваніи встрѣчаютъ еще нѣсколько другихъ, но уже не столь опасныхъ пороговъ. Продолжая течь въ юго-восточномъ направленіи и дѣлая извилины то въ одну, то въ другую сторону, Волга протекаетъ чрезъ расположившійся по обѣ ея стороны городъ Ржевъ и принимаетъ по пути нѣсколько притоковъ. Замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ, за немногими исключеніями, не притокъ принимаетъ направленіе Волги, а наоборотъ: онъ какъ бы отклоняетъ ее и заставляетъ течь по своему направленію. Это особенно рѣзко обнаруживается, когда подъ городомъ Зубцовымъ въ Волгу впадаетъ довольно значительная рѣчка Вазуза. И въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть въ этомъ городѣ съ птичьяго полета на сліяніе обѣихъ рѣкъ, то покажется, будто не Вазуза впадаетъ въ Волгу, а наоборотъ—Волга въ Вазузу. Дѣло въ томъ, что эта рѣчка, почти

не уклоняясь отъ своего прежняго направленія, продолжаетъ течь къ сѣверо-востоку, тогда какъ Волга, направляясь до сихъ поръ къ юго-востоку, вдругъ дѣлаетъ колѣно и, своротивъ къ сѣверу, течетъ по направленію, указанному ей притокомъ. Можно даже подумать, не слѣдуетъ ли рѣку въ дальнѣйшемъ теченіи назвать Вазузою? Но это во всякомъ случаѣ было бы несправедливо оттого, во-первыхъ, что до сліянія обѣихъ рѣкъ Волга все-таки шире и теченіе ея сильнѣе, а во-вторыхъ, она пробѣжала отъ своего истока безъ малаго двѣсти верстъ, тогда какъ Вазуза прошла всего 143 версты, такъ что Волга все-таки остается главною рѣкой.

Понятно, что Вазуза сама по себѣ не въ состояніи была бы принудить Волгу отклониться отъ прежняго ея направленія, тѣмъ болѣе, что напоръ воды со стороны послѣдней гораздо сильнѣе, нежели со стороны первой рѣки. Но Волга уклонилась отъ своего прежняго направленія конечно оттого, что какъ разъ подъ Зубцовымъ поперекъ пути ея стала преграда въ видѣ берегового кряжа, хотя и не очень высокаго. Сопровождая Вазузу по правому ея берегу до самаго устья, этотъ кряжъ протянулся далѣе по тому же сѣверо-восточному направленію. Итакъ, говоря точнѣе, не притокъ заставилъ Волгу измѣнить свое

прежнее теченіе, а особенныя свойства грунта по берегу рѣки.

Во всякомъ случаѣ замѣтимъ разъ навсегда: названія рѣкамъ даются народами, живущими на нихъ, и въ настоящемъ случаѣ простой людъ не ошибся, признавъ Волгу господствующею рѣкою. Однако, для того, чтобы объяснить странный съ виду поворотъ ея при встрѣчѣ съ притокомъ, простолюдины, по словамъ Рагозина, ссылаются на слѣдующее преданіе: какъ-то разъ обѣ эти рѣки заспорили о томъ, которую изъ нихъ слѣдуетъ признать главною. Ни та ни другая не уступала. Наконецъ онѣ положили межъ собой лечь спать, и за той, которая встанетъ прежде и побѣжитъ къ морю, должно остаться преимущество. Ночью Вазуза встала прежде и побѣжала по принятому ею сначала направленію. Проснувшись позже, Волга пустилась ее догонять и нагнала Вазузу у Зубцова, откуда обѣ рѣки побѣжали вмѣстѣ. Однако Вазуза, увидѣвъ, насколько Волга шире и сильнѣе, все-таки признала ее за старшую сестру... Такъ фантазія народа разрѣшаетъ по-своему вопросы, надъ которыми задумываются ученые люди!

Мы до сихъ поръ мало говорили о берегахъ, которые, вообще, придаютъ рѣкамъ особенный отпечатокъ, составляютъ какъ бы рамку рѣчного пейзажа. Въ нашемъ скудномъ природными кра-

сотами краѣ про виды на берегахъ Волги, пс крайней мѣрѣ до сихъ поръ, немногое приходится сказать. Эти берега вообще не высоки, такъ что они поднимаются надъ водою, и то только мѣстами, саженъ на пятнадцать, и того даже менѣе. Притомъ, эти незначительныя возвышенности не тянутся по одной сторонѣ рѣки, а напротивъ—онѣ чередуются: то лѣвый берегъ высокъ, а другой низкій, то наоборотъ—правый выше. Болѣе высокій берегъ представляется обыкновенно въ видѣ крутого обрыва, называемаго крутояромъ или просто яромъ. Онъ почти постоянно разрушается весною отъ сильнаго напора водъ, особенно отъ ударовъ во время ледохода. Хвойные лѣса съ одной стороны и березовыя рощи—съ другой, скаты, покрытые съ верху до низу ольшнякомъ съ его тускло-изумрудною зеленью,—вотъ все, чѣмъ мѣстами нарушается однообразіе пустынной мѣстности. По берегамъ появляются также селенія съ ихъ убогими сѣрыми хатами, среди которыхъ иногда возвышается колокольня при церкви; а мѣстами показываются даже усадьбы и красивые дома болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ. Послѣ Зубцова Волга протекаетъ еще черезъ незначительный городокъ Старицу, расположенный при устьѣ рѣки того же имени. Этимъ и ограничиваются незатѣйливые виды береговъ отъ верховьевъ Волги до Твери.

II.

Отъ Твери до Рыбинска.

Прибывъ въ Тверь днемъ 28-го апрѣля, я узналъ, что пароходъ отходитъ на слѣдующее утро, и воспользовался временемъ для того, чтобы ознакомиться нѣсколько съ наружностью города. Несмотря на то, что Тверь находится, такъ сказать, во главѣ пароходства внизъ по Волгѣ, которое начинается именно отсюда, и что сверхъ того тутъ же недалеко проходитъ желѣзная дорога изъ Москвы въ Петербургъ, однако Тверь показалась мнѣ тихимъ, мало оживленнымъ городомъ. По чистымъ, широкимъ и прямымъ улицамъ встрѣчается тутъ мало прохожихъ, а экипажей и того еще менѣе. Бульвары и скверы, какіе попадаются въ городѣ, совершенно пусты. А между тѣмъ это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Россіи. Онъ былъ построенъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи и одно время служилъ столицею великаго княжества. Въ настоящее время городъ составляетъ одну изъ главныхъ станцій желѣзной дороги, но изъ про-

ѣзжающихъ рѣдко кто заглядываетъ въ самую Тверь.

Всего только два пароходныя общества поддерживаютъ рейсы между Тверью и Рыбинскомъ, а именно „Самолетъ" и „Пароходное общество по Волгѣ". Рано утромъ, на другой день по пріѣздѣ сюда, я находился уже на палубѣ принадлежащаго послѣднему обществу парохода подъ названіемъ „Москва". Принявъ человѣкъ десять пассажировъ, большею частью купеческихъ приказчиковъ и крестьянъ, нагрузившись разною кладью для Рыбинска и для промежуточныхъ по пути пристаней, нашъ небольшой, но ходкій пароходъ въ 8 часовъ утра двинулся внизъ по рѣкѣ. Справа, вдоль нѣсколько возвышенной набережной, красовался самый городъ съ его каменными чистенькими домами, а на противоположномъ берегу раскинулась низменная заволжская сторона съ ея довольно ветхими, большею частью одноэтажными постройками. Вскорѣ слѣва отъ насъ показалось устье замѣчательной рѣки, а именно Тверцы. Въ лѣвомъ углу близъ самаго устья расположился древній монастырь, основанный слишкомъ за шесть вѣковъ тому назадъ, а почти противъ него, на другомъ берегу Тверцы, стоитъ церковь съ колокольней, за которою раскинулась Затверецкая сторона.

Лѣвый берегъ Волги въ Твери.

Тверца замѣчательна тѣмъ, что у нея нѣтъ собственнаго истока, безъ какого не обходится ни одна рѣка. И дѣйствительно, этотъ притокъ Волги вытекаетъ изъ другой рѣки, а именно изъ Цны. Признать Тверцу рукавомъ этой рѣки тоже нельзя, оттого что Цна течетъ совсѣмъ въ другомъ направленіи. Притомъ же, прежде, лѣтъ полтораста слишкомъ тому назадъ, у Тверцы былъ даже свой собственный истокъ на той же Валдайской возвышенности, съ которой стекаетъ Волга. Но по приказу Петра Великаго былъ прорытъ каналъ, начиная отъ рѣки Цны въ Вышнемъ Волочкѣ и вступая въ Тверцу въ четырехъ верстахъ отъ ея бывшаго начала. Съ тѣхъ поръ этотъ источникъ рѣки самъ собою изсякъ, и Тверца стала уже питаться водами Цны. Такимъ образомъ она вошла въ составъ знаменитаго канала Вышневолоцкой системы. Когда не было еще ни желѣзной дороги въ Петербургъ ни другихъ болѣе удобныхъ водяныхъ путей, то множество судовъ съ разными товарами изъ Астрахани и изъ другихъ приволжскихъ городовъ, добравшись до Твери, перевозились водою прямо въ нашу сѣверную столицу на Невѣ. Этотъ Вышневолоцкій каналъ утратилъ теперь свое прежнее значеніе, и суда съ товарами ходятъ теперь другими водяными путями, вовсе не подходя къ Твери. Отто-

го-то городъ такъ мало оживляется въ настоящее время.

Принявъ въ себя Тверцу, Волга сворачиваетъ отсюда все болѣе къ юго-востоку и переходитъ изъ верхняго теченія въ среднее. Она становится шире, берега ея раздвинулись саженъ на шестьдесятъ и болѣе одинъ отъ другого. Однако, берега эти, вообще невысокіе, стали даже ниже, чѣмъ были до Твери, и опять-таки идутъ вперемежку, такъ что когда лѣвый берегъ переходитъ въ низменность, то правый начинаетъ понемногу подниматься. Притомъ, если они до сихъ поръ не представляли особенно привлекательныхъ видовъ, то внизъ отъ Твери эти берега стали еще однообразнѣе. Изрѣдка показывались по нимъ небольшія рощи. Зато теперь чаще стали попадаться небольшія села и деревни.

Слѣдуя по извилинамъ рѣки то въ одну, то въ другую сторону, пароходъ шелъ себѣ далѣе, миновавъ верстахъ въ пятидесяти отъ Твери устье впадающей въ Волгу съ правой стороны Шоши. Хотя этотъ притокъ не такъ замѣчателенъ, какъ Тверца и менѣе ея извѣстенъ, однако онъ по длинѣ немного даже значительнѣе ея. Обогатившись водами Шоши, Волга стала еще шире, такъ что разлилась саженъ на полтораста слишкомъ въ ширину. По низменнымъ мѣстамъ кое-гдѣ появлялись

поемные луга, такъ называемыя пойлы, покрываемыя въ весеннюю пору разливомъ рѣки. По берегамъ все еще попадались валуны, также много известковаго камня. Здѣшніе крестьяне занимаются пережиганіемъ извести, и мѣстами этотъ камень былъ сложенъ на берегу большими грудами. Однако одинцовъ и каменныхъ грядъ мы вовсе не встрѣчали въ рѣкѣ; опасныхъ пороговъ также не было болѣе. Говорятъ, что эти валуны здѣсь большею частью повытаскали изъ русла, избавивъ такимъ образомъ судоходство отъ опасныхъ препятствій.

Зато здѣсь предстали другого рода препоны, а именно мели, которыхъ почти вовсе не бываетъ въ верхнемъ теченіи рѣки Тамъ имъ и нельзя было образоваться, оттого что въ верховьи рѣка течетъ по болѣе наклонному спуску, и теченіе ея все-таки нѣсколько быстрѣе, такъ что вода уноситъ далѣе мелкія частицы съ размываемаго ею берега и не даетъ имъ осѣсть на дно русла. Напротивъ того, начиная съ Твери и особенно съ устья Шоши, рѣка течетъ гораздо тише, такъ что вода не можетъ уже уносить съ собою далѣе размытыя береговыя песчаныя и глинистыя частицы и поневолѣ слагаетъ ихъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Въ такихъ мѣстахъ и образуются песчаные наносы и мели, и фарватеръ засоряется. Эти мели зачастую размываются водою, но вза-

мѣнъ ихъ образуются новыя, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящую пору, т. е. весной, въ полую воду, нашъ пароходъ могъ свободно пройти вездѣ, несмотря ни на какія мели. Другое дѣло лѣтомъ, въ межень,—тогда вода въ рѣкѣ сильно убываетъ, и эти мели причиняютъ немало хлопотъ судовщикамъ. Зачастую даже верхневолжскій бейшлотъ не въ состояніи восполнить убыль воды, и тогда пароходы совсѣмъ прекращаютъ свои рейсы между Тверью и Рыбинскомъ.

Иногда такія мели тянутся отъ обоихъ береговъ, такъ что къ серединѣ рѣки идетъ песчаная коса отъ одного берега и встрѣчается съ такою же косою отъ другого берега. Въ такомъ случаѣ теченіе направляется между этими косами, поперекъ рѣки, какъ бы перекатываясь съ одного берега къ другому. Такое поперечное теченіе судовщики называютъ перекатомъ. На перекатахъ фарватеръ, хотя и глубокъ, но бываетъ черезчуръ узокъ и очень извилистъ, такъ что въ мелководье по немъ не легко провесть большое судно.

Какъ избавиться отъ этихъ новыхъ препятствій? Валуны и одинцы можно было убрать со дна русла и отдѣлаться отъ нихъ разъ навсегда. И дѣйствительно, изъ рѣки было вытащено нѣсколько сотенъ этихъ гранитныхъ глыбъ, такъ что теперь онѣ не угрожаютъ болѣе судоходству. Но уби-

рать такимъ же образомъ песокъ съ мелей ни къ чему не поведетъ, оттого что рѣка опять и опять наноситъ его. Необходимо было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ.

Давно уже было замѣчено, что мели чаще всего образуются въ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ повороты, извилины, вслѣдствіе чего теченіе нѣсколько замедляется, и вода слагаетъ въ такихъ мѣстахъ уносимый ею песокъ. Для того, чтобы избавиться отъ этихъ извилинъ, ихъ спрямляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Однако спрямлять можно только небольшіе повороты. Въ болѣе обширныхъ извилинахъ рѣки съ тою же цѣлью придумали строить плотины, но не поперекъ рѣки отъ одного берега къ другому, а вдоль теченія, отъ одного конца извилины къ другому. Такимъ образомъ заставили воду течь не по дугообразному повороту, а по прямой, вслѣдствіе чего теченіе стало гораздо стремительнѣе, тѣмъ еще болѣе, что такая продольная плотина суживаетъ самое русло и, стѣсняя рѣку, заставляетъ воду быстрѣе проходить по суженному мѣсту.

Подобнаго рода продольныя плотины какъ бы прикрѣпляются, сверхъ того, къ берегу поперечными. Такимъ образомъ все пространство отгороженной части рѣки разбивается на отдѣльные водоемы. Въ теченіе времени рѣка сама слагаетъ

въ эти водоемы песокъ, такъ что они все болѣе и болѣе наполняются имъ и, наконецъ, даже совсѣмъ засыпаются, принимая видъ матерого берега. Итакъ тутъ не только сужено русло рѣки и углубленъ фарватеръ, но сверхъ того наносные пески изъ Волги слагаются въ водоемы. По пути намъ съ палубы парохода приходилось видѣть нѣсколько такихъ плотинъ. Онѣ тянутся въ длину отъ сорока до трехсотъ саженей, а нѣкоторыя доходятъ даже до двухъ верстъ. Благодаря этимъ сооруженіямъ дѣйствительно избавились уже отъ многихъ мелей Самыя плотины складываются изъ фашинъ, т. е. изъ связокъ сучьевъ или прутьевъ, наваленныхъ другъ на друга и загруженныхъ сверху камнями.

Приставъ послѣ полудня къ уѣздному городу Корчевѣ, на правомъ берегу Волги, и сдавъ здѣсь кой-какую кладь, пароходъ принялъ еще человѣка два новыхъ пассажировъ и вскорѣ пошелъ далѣе. Въ 6 часовъ вечера мы опять остановились у лѣваго берега, на которомъ тутъ раскинулось большое село Кимры. Пока пароходъ сдавалъ кладь и нагружался новымъ товаромъ для Рыбинска, къ намъ на палубу вышелъ молодой глухонѣмой крестьянинъ съ охапкою сапогъ и ботинокъ въ рукахъ. Предлагая свой товаръ пассажирамъ, онъ объяснялся съ ними мимически, показывая паль-

цами, сколько стоитъ каждая пара обуви. Село Кимры вообще издавна славится производствомъ сапогъ, ботинокъ и башмаковъ всякаго рода. Здѣшніе сапожники высылаютъ свой товаръ по разнымъ городамъ Россіи, даже на Нижегородскую ярмарку. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ дѣло ведется въ обширныхъ размѣрахъ фабричнымъ порядкомъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ крупныхъ торговцевъ въ Москвѣ, извѣстный Королевъ, оттуда же ведетъ свое начало и снабжается большею частью изъ Кимры сапожнымъ товаромъ.

Рано утромъ, въ шестомъ часу, на правомъ берегу показался Угличъ. Множество церквей и ихъ колокольни придаютъ городу довольно живописный видъ. Въ древнемъ Угличѣ, какъ извѣстно, былъ Дмитрій-царевичъ. До сихъ поръ на высокомъ берегу рѣки стоитъ окруженный деревьями мрачный, сильно обветшавшій дворецъ царевича; а близъ дворца, на мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство, находится небольшая, краснаго, словно кроваваго, цвѣта съ бѣлыми обводами тоже весьма ветхая церковь, такъ называемая, св. Димитрія на крови.

Покинувъ Угличъ, я съ палубы скоро могъ замѣтить, что пароходъ уноситъ насъ совсѣмъ не по тому юго-восточному направленію, по которому онъ шелъ наканунѣ. Когда мы послѣ выхода изъ

Видъ города Рыбинска.

Твери смотрѣли съ палубы внизъ по теченію, то солнце все время было если не прямо передъ нами, но все-таки на виду то справа, то слѣва, смотря по времени дня. Поэтому мы были увѣрены, что плывемъ по направленію къ югу съ отклоненіемъ на востокъ и, стало-быть, приближаемся къ Нижнему. А теперь, обратившись лицомъ по теченію, мы уже не видимъ передъ собою солнца: оно утромъ взошло отъ насъ по правую сторону, а потомъ было большею частью у насъ за спиною. Значитъ, пароходъ опять, какъ было послѣ впаденія въ нашу рѣку Вазузы, относитъ насъ болѣе къ сѣверу. Это плаванье въ сѣверномъ направленіи началось уже давно, почти со впаденія Шоши; но послѣ Калязина, который мы миновали ночью, оно продолжается такъ долго и такъ настойчиво, что вмѣсто того, чтобы приближаться къ Нижнему, пароходъ все болѣе и болѣе удаляется отъ него. Можно подумать, что, миновавъ устья разныхъ притоковъ, пройдя мимо Калязина, Углича и разсыпанныхъ по берегамъ селеній, мы направляемся не къ Каспійскому морю, а напротивъ— къ Бѣлому.

Такое уклоненіе отъ нашей цѣли началось, какъ мы сказали, частью отъ самой Шоши. Эта рѣка течетъ съ юга къ сѣверу и подобно Вазузѣ, вслѣдствіе особеннаго свойства берегового кряжа, за-

ставляетъ Волгу опять уклониться отъ своего юго-восточнаго направленія, которое она приняла было, благодаря отчасти толчку, сообщенному ей Тверцою. Если бъ наша рѣка продолжала течь по восточному направленію, то она угодила бы какъ разъ къ Нижнему-Новгороду, до котораго отъ Твери по прямой линіи оставалось круглымъ числомъ около пятисотъ верстъ. На самомъ же дѣлѣ Волга такъ далеко забралась къ сѣверу, что до впаденія въ нее Мологи по прямой линіи около двухсотъ, а отъ устья Мологи до Нижняго около четырехсотъ верстъ круглымъ числомъ. Такъ что, не считая обыкновенныхъ извилинъ, рѣка вмѣсто пятисотъ пробѣгаетъ слишкомъ шестьсотъ верстъ.

Однако Волгѣ отнюдь не слѣдуетъ ставить въ укоръ то, что она дѣлаетъ такой большой крюкъ по пути своему къ Каспію. Напротивъ, благодаря этому крюку, она даетъ возможность жителямъ болѣе сѣверныхъ странъ обмѣниваться своими произведеніями съ населеніемъ теплыхъ южныхъ краевъ. Волга, какъ и всякая судоходная рѣка, представляетъ естественный, такъ сказать, даровой путь сообщенія, по которому провозится громадное количество разнаго товара. А въ такомъ случаѣ всего выгоднѣе, если этотъ путь пролегаетъ съ сѣвера на югъ, т. е. рѣка протекаетъ по разнымъ климатамъ. Рѣки, текущія съ запада на вос-

токъ, т. е. въ полосѣ одной и той же широты почти одинаковаго климата, въ родѣ рѣки св. Лаврентія въ Сѣверной Америкѣ, не представляютъ такихъ выгодныхъ условій для своихъ обитателей оттого, что вслѣдствіе однообразія климата въ омываемыхъ такими рѣками краяхъ однообразны также и произведенія природы по ихъ береговымъ мѣстностямъ, и обитателямъ ихъ не предстоитъ почти никакой надобности обмѣниваться своими продуктами: какіе природа даетъ западнымъ жителямъ, тѣми же она надѣляетъ и восточныхъ въ той же полосѣ. Другое дѣло, если рѣка несется изъ холодныхъ странъ сѣвера въ болѣе теплые южные края, какъ наша Волга. Въ такомъ случаѣ съ юга по ней перевозятся на сѣверъ такія произведенія, которыя тамъ не могутъ созрѣть вслѣдствіе холоднаго климата, въ родѣ, напримѣръ, пшеницы, винограда, хлопка; а сѣверъ въ обмѣнъ посылаетъ строевой лѣсъ, которымъ, въ свою очередь, бѣденъ югъ. Благодаря этому широкому обмѣну товаровъ, Волга и стала важнѣйшимъ водянымъ путемъ для Россіи; тѣмъ еще болѣе, что при посредствѣ каналовъ она соединяетъ, можно сказать, южные прикаспійскіе края съ сѣверными прибалтійскими странами.

Около одиннадцати часовъ утра вдали передъ нами показался перекинутый черезъ Волгу высо-

кій желѣзнодорожный мостъ; по немъ пролегаетъ рельсовый путь, соединяющій станцію Бологое въ Рыбинскомъ. Въ первомъ часу пополудни мы подошли къ устью Мологи, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. При сліяніи этихъ рѣкъ находится малозначительный городъ Молога. Тутъ наша Волга достигаетъ, наконецъ, своего крайняго сѣвернаго пункта. Напирая съ сѣвера, значительный притокъ ея какъ бы заставляетъ Волгу измѣнить свое теченіе, такъ что отсюда она опять начинаетъ течь болѣе въ южномъ направленіи, уклоняясь лишь по извилинамъ то къ востоку, то къ западу.

Замѣтимъ кстати, что р. Молога входитъ въ составъ Тихвинской системы водяного сообщенія; этотъ каналъ, такъ же какъ и Вышневолоцкій, соединяетъ Волгу съ Невою.

Проѣхавъ верстъ съ тридцать отъ Мологи, встрѣчаемъ съ лѣвой стороны устье новой значительной рѣки, Шексны. Вытекая изъ Бѣлоозера, она входитъ въ составъ третьей важнѣйшей системы водяного сообщенія Каспія съ Петербургомъ, а именно Маріинской. Этотъ путь, хотя и длиннѣе Тихвинскаго, однако глубже и обходится дешевле другихъ системъ, а потому по немъ и проходитъ самая большая часть груза изъ Волги на Неву. По этому каналу на баркахъ и другихъ

судахъ изъ болѣе хлѣбородныхъ южныхъ губерній подвозятъ на сѣверъ пшеницу, овесъ, рожь спиртъ, сало, свѣчи, очень много рыбы, также канаты, веревки и другія снасти; сверхъ того доставляются въ Петербургъ дрова, вообще лѣсъ всякаго рода, сѣно и проч. А съ береговъ Невы взамѣнъ того отправляютъ къ Волгѣ разные колоніальные продукты, привозимые моремъ изъ дальнихъ тропическихъ странъ, сверхъ того всякаго рода мануфактурныя и фабричныя издѣлія на потребу жителей внутреннихъ губерній.

Въ этомъ отношеніи важное значеніе Волги для торговыхъ сношеній сѣвера съ югомъ нагляднѣе всего представилось намъ, когда пароходъ въ четвертомъ часу пополудни подошелъ къ Рыбинску. Пристань города раскинулась на правомъ берегу почти противъ устья Шексны. Словно въ подвижной панорамѣ развернулась передъ нами живая картина широкой торговой дѣятельности: пароходы съ ихъ черными высокими трубами тѣснились у своихъ пристаней; множество барокъ, баржъ, крупныхъ и мелкихъ судовъ то разгружались, то вновь нагружались разными товарами съ тѣмъ, чтобы двинуться въ дальній путь частью по каналамъ въ Петербургъ, частью внизъ по Волгѣ. По всей набережной происходила толкотня и суетная дѣятельность многолюдной толпы. Отсюда ходятъ

уже большіе пароходы до Нижняго-Новгорода Съ тѣхъ поръ, какъ открылось движеніе по желѣзной дорогѣ, часть товаровъ стали перевозить по рельсамъ; однако все еще много груза идетъ по рѣкамъ и каналамъ. Не даромъ Рыбинскъ слыветъ самою важною гаванью на рѣкѣ.

Покинувъ пароходъ, я пошелъ бродить по улицамъ и могъ на самомъ дѣлѣ убѣдиться, что не одна только пристань, но также самый городъ съ его магазинами, складами и амбарами, съ его суетнымъ подвижнымъ населеніемъ представляетъ весьма оживленный видъ, особенно послѣ запустѣлой, сонной Твери. Тутъ, въ Рыбинскѣ, можно сказать, во всемъ своемъ величіи проявляется громадное значеніе Волги не только для обитателей прибрежныхъ странъ, но также и для отдаленныхъ краевъ внутри Россіи.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что Волга, какъ торговый путь, дѣлится обыкновенно на четыре участка или, какъ выражаются судовщики, на четыре плеса. А именно: тверское плесо тянется отъ Твери до Рыбинска, затѣмъ слѣдуетъ рыбинское—отсюда до Нижняго, нижегородское — отъ Нижняго до устья Камы и, наконецъ, низовое плесо—отъ Камы до Астрахани.

III.

Отъ Рыбинска до Нижняго

Въ Рыбинскѣ я пересѣлъ на одинъ изъ большихъ пароходовъ, принадлежащихъ товариществу легко-пассажирскаго пароходства по Волгѣ. На этотъ разъ также пассажировъ оказалось немного. Въ третьемъ классѣ, въ междупалубномъ пространствѣ, было человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ, отправлявшихся въ южныя губерніи на лѣтніе заработки. Нагрузившись разнымъ товаромъ, пароходъ въ самую полночь двинулся внизъ по рѣкѣ. Когда на разсвѣтѣ я вышелъ на палубу, то сразу могъ убѣдиться, что Волга, обогатившись водами Мологи и Шексны, стала чуть ли не вдвое шире прежняго: мѣстами она разлилась на цѣлую версту въ ширину. Среди рѣки появились кое-гдѣ не очень большіе песчаные острова. По мѣрѣ того, какъ расширялась рѣка, она становилась оживленнѣе, по берегамъ встрѣчались болѣе разнообразные виды. Мы то и дѣло обгоняли барки съ разными товарами, бѣляны, какъ называются плоско-

Видъ города Ярославля.

донныя, неуклюжія, большія, вовсе несмоленыя суда съ разнымъ лѣсомъ; а тамъ навстрѣчу шелъ пароходъ и тянулъ за собой на буксирѣ баржи съ пшеницей. Не очень высокіе берега покрыты то хвойнымъ, то лиственнымъ лѣсомъ и окаймлены по спускамъ ольховыми кустами. Чаще стали попадаться красиво раскинутыя по холмамъ селенія съ бѣлыми церквами и колокольнями. За ними тянулись поля и луга, прерываемые рощицами и кустарниками. А острова среди рѣки, поросшіе густою кудрявою зеленью тальниковыхъ кустовъ, придавали еще больше разнообразія рѣчному ландшафту.

Верстахъ въ сорока отъ Рыбинска, по лѣвую сторону, на возвышенности и по крутымъ береговымъ скатамъ амфитеатромъ живописно раскинулись дома, фабрики, соборы стараго города Романова, а напротивъ него, на правомъ берегу, среди садовъ пріютились скромныя жилища и церкви Борисоглѣбска. Это мѣсто вообще славится выдѣлкою овчинъ для такъ называемыхъ романовскихъ полушубковъ. Далѣе внизъ по рѣкѣ часто попадались по берегамъ древніе монастыри.

Проѣхавъ еще верстъ сорокъ отъ Романова-Борисоглѣбска, пароходъ рано утромъ причалилъ къ пристани города Ярославля, подъ которымъ въ Волгу впадаетъ рѣчка Которость. Городъ кра-

сиво раскинулся верстъ на пять вдоль возвышеннаго праваго берега. Тамъ, близъ пятиглаваго собора возвышается прекрасное зданіе съ колоннами: это Демидовскій юридическій лицей, высшее учебное заведеніе для юристовъ.

Пока нашъ пароходъ, сдавая привезенную изъ Рыбинска кладь, разгружался и грузился новыми товарами для Нижняго, я съ палубы смотрѣлъ, какъ трое бурлаковъ, пробираясь по краю берега, тащили перекинутою черезъ плечо лямкою съ бечевой пустую барку вверхъ по рѣкѣ. Это мнѣ невольно напомнило стихи Некрасова:

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ,
И взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бечевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ,—
И сердце дрогнуло во мнѣ.
Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,

Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та жъ покорность безъ конца...

Скажемъ отъ себя: нынѣ поэтъ уже не увидалъ бы этого бурлака, не услышалъ бы стона на берегу. Нынѣ не раздается больше этотъ болѣзненный стонъ по рѣкѣ: онъ замѣнился пронзительнымъ свистомъ буксирныхъ пароходовъ, которые, взамѣнъ бурлаковъ, на длинныхъ канатахъ влекутъ за собою иногда разомъ по нѣскольку судовъ съ хлѣбомъ противъ теченія. А тѣ бурлаки, которыхъ я видѣлъ подъ Ярославлемъ, перетаскивали лишь барку на короткое разстояніе отъ одной стоянки до другой на той же пристани. Черезъ полчаса они дойдутъ до мѣста и снимутъ съ себя лямку, пароходъ приметъ судно на буксиръ и повлечетъ его далѣе вверхъ по рѣкѣ, такъ что дѣло обойдется уже безо всякихъ стоновъ!..

Покинувъ Ярославль, мы вскорѣ замѣтили, что Волга опять начинаетъ сбиваться съ принятаго ею направленія къ Каспію: она опять свернула къ сѣверо-востоку и прошла по этому пути безъ малаго пятьдесятъ верстъ, почти до самаго Бабаевскаго монастыря, къ которому мы пристали часовъ въ одиннадцать пополудни. Этотъ старый монастырь съ своими куполами и верхами церквей на правомъ берегу, при устьѣ рѣчки Соло-

ницы, представляетъ величественный видъ. Затѣмъ, однако, Кострома и особенно многоводная Унжа заставили Волгу рѣшительно направиться къ югу.

Въ часъ пополудни пароходъ подходилъ къ Костромѣ. Не доѣзжая еще города, мы съ палубы при устьѣ рѣки того же имени на крутомъ берегу ея увидали вдали знаменитый Ипатьевскій монастырь, откуда Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ вызванъ на царство. Въ этомъ монастырѣ похороненъ Иванъ Сусанинъ. Въ самомъ городѣ, на Сусанинской площади, воздвигнутъ памятникъ съ надписью: „Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ положившему, благодарное потомство. 1881“. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу. На шумной пристани бабы продавали полотно, полотенца и тому подобныя издѣлія льнопрядильныхъ фабрикъ. Это напомнило намъ, что весь окрестный край, начиная отъ Ярославля, славится именно своимъ ярославскимъ полотномъ, а Кострома составляетъ какъ бы средоточіе развившейся въ этой мѣстности обширной льняной промышленности.

Пробѣжавъ по губерніямъ Тверской, Ярославской и Костромской съ ихъ селами и небольшими городами и принявъ въ себя еще нѣсколько незначительныхъ притоковъ, Волга переходитъ, на-

конецъ, въ Нижегородскую. Передъ нами тянулись справа частью немного возвышенные берега, а слѣва — почти все одни низменныя мѣста. Рѣка, разлившись, подступала иногда къ самымъ деревнямъ, а нѣкоторыя изъ нихъ были даже совсѣмъ окружены водой и стояли словно на островѣ. Посреди рѣки попадались настоящіе большіе острова, поросшіе густыми лѣсами. Вечеромъ мы пристали къ незначительному городу Плессу. Онъ очень картинно расположился на холмахъ и по откосамъ праваго берега.

Холмы, какъ замѣтилъ я уже съ вечера, стали показываться по обоимъ берегамъ. А съ наступившимъ затѣмъ раннимъ утромъ на лѣвой сторонѣ показалось большое село Городецъ, расположенное также на холмахъ. Вскорѣ послѣ этого холмы стали почти совсѣмъ пропадать, и по обѣимъ сторонамъ рѣки потянулись низменности, залитыя отчасти водою. Находясь на правомъ берегу, городокъ Балахна, къ которому мы подошли въ 7 часовъ утра, былъ совсѣмъ затопленъ.

Съ самаго разсвѣта уже по рѣкѣ чаще стали встрѣчаться пароходы и суда всякаго рода. Все предвѣщало близость значительнаго порта. Вскорѣ послѣ Балахны на правомъ берегу показались на платформахъ цилиндрическіе, сѣраго цвѣта, вагоны, наполненные нефтью. По рѣкѣ взадъ и

впередъ сновали лодки, барки, пароходы, увлекавшіе за собою на буксирѣ огромныя барки, а вдали, на правомъ высокомъ берегу, показался Нижній. Нашъ пароходъ причалилъ къ предназначенной для него пристани съ ея длинными рядами амбаровъ. Передъ нами опять, какъ въ Рыбинскѣ, раскинулась живая картина широкой торговой дѣятельности. Эта картина болѣе всего оживляется въ августѣ мѣсяцѣ, въ самый разгаръ ярмарки. Тогда на великое торжище собирается свыше полумилліона людей со всѣхъ концовъ Россіи, изъ Сибири, съ Кавказа, изъ Бухары и Хивы, изъ Персіи и даже изъ дальняго Китая. Такое скопленіе народа здѣсь поражаетъ тѣмъ еще болѣе, что въ обыкновенное, не ярмарочное время постоянныхъ жителей въ Нижнемъ считается всего около 70,000; а тѣ полмилліона разноплеменныхъ пришельцевъ скучиваются по преимуществу на ярмаркѣ, расположенной на лѣвомъ, низменномъ, берегу впадающей здѣсь Оки; на правомъ, возвышенномъ берегу ея чрезвычайно живописно раскинулся самый городъ съ бѣлѣющимъ надъ кручею кремлемъ съ его соборами, колокольнями, башнями и другими зданіями. Этотъ верхній городъ соединяется съ ярмаркою плашкоутнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Оку, которая здѣсь, при сліяніи съ Волгою, разливается слишкомъ на вер-

сту въ ширину. Во время ярмарки народъ съ утра до поздней ночи кишмя кишитъ по мосту: экипажи всякаго рода проѣзжаютъ длинной вереницей по самой серединѣ, а по обѣимъ сторонамъ снуютъ пѣшіе, спѣша на ярмарку или, вечеромъ, возвращаясь оттуда. Однако, этотъ настланный на плоскодонныхъ судахъ плашкоутный мостъ разбирается обыкновенно на зиму, а въ настоящую пору, т. е. въ первые дни мая, онъ не былъ еще наведенъ оттого, что Ока, широко разлившись, затопила ярмарку со всѣми ея домами и торговыми корпусами. Мостъ наводится обыкновенно послѣ спада водъ, въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Въ первую мою поѣздку по Волгѣ, года два тому назадъ, я посѣтилъ Нижній въ концѣ августа. Поднявшись тогда на возвышенный правый берегъ, я смотрѣлъ на Волгу съ края такъ называемаго откоса. Чудный видъ открылся оттуда на обѣ слившіяся рѣки, на далеко раскинувшееся передо мною пространство. Слѣва, съ запада, Ока несется къ своему устью широкою синеватою полосою, а съ сѣвера устремляется величественная Волга, достигая при сліяніи съ Окою въ ширину болѣе версты. Серебристая гладь рѣки, слегка изгибаясь, стелется сверху по безконечной равнинѣ лѣваго низменнаго берега и, расширяясь все

Видъ города Костромы.

болѣе, несется мимо города, у подножія крутого ската, далѣе къ югу. Тамъ, среди синѣющихъ водъ, раскинулись острова, частью покрытые желтымъ пескомъ, частью обросшіе густою зеленью травъ и кустовъ. Пароходъ осторожно пробирается между этими островами, оставляя по себѣ густую полосу чернаго дыма. Среди изумрудной зелени поемныхъ луговъ лѣваго берега вдали синѣютъ небольшія озера; за ними, на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, среди пашенъ, виднѣются церкви съ прилегающими къ нимъ сѣрыми деревнями; далеко за сизою туманною дымкой до самаго горизонта тянутся лѣса, служа какъ бы фономъ этой чудной картины, какую ни одинъ живописецъ не въ состояніи изобразить на полотнѣ.

Иной видъ представился мнѣ отсюда теперь, весною, во время разлива, когда изъ отдаленныхъ болотъ подъ Волговерховьемъ, съ озера Селигера, съ Мологи, Шексны и Унжи, наконецъ, съ самой могучей Оки, со всѣхъ вообще нагорныхъ полей и лѣсовъ понеслись весеннія воды въ Волгу. Разлившись верстъ на десять, а мѣстами даже на пятнадцать въ ширину, Волга синѣетъ словно поверхность озера. Однако, глядя сверху, не подозрѣваешь, что рѣка разлилась въ такую ширь: съ высоты всѣ дали какъ бы скрадываются для наблюдателя; видишь только обширную водную

гладь, а тамъ надъ нею, словно на островахъ среди озера, высятся бѣлыя колокольни, церкви съ ихъ куполами, едва виднѣются избы затопленныхъ деревень и торчащія надъ водою деревья дальнихъ лѣсовъ. Бѣлыя чайки съ крикомъ носятся надъ этимъ привольемъ, по поверхности котораго ходятъ взадъ и впередъ большія и малыя суда, а между ними шныряютъ крохотныя ладьи съ бѣлыми парусами.

Вглядѣвшись внимательнѣе въ то мѣсто, гдѣ встрѣчаются обѣ величавыя рѣки, мы замѣчаемъ однако, что Нижній-Новгородъ, раскинувшись по возвышенностямъ ихъ правыхъ береговъ, лежитъ скорѣе при Окѣ, нежели при Волгѣ. Мало того, Ока, превосходя по длинѣ самую Волгу до слiянія съ нею и устремляясь въ нее, какъ бы оттѣсняетъ волжскую воду къ лѣвому берегу и своими водами омываетъ рѣшительно весь городской берегъ, такъ что жители Нижняго, черпая изъ рѣки, не пользуются ни одною каплей собственно волжской воды. Можно, не обинуясь, сказать, что Ока, своротивъ послѣ устья направо, все еще течетъ подъ самымъ городомъ. Благодаря именно Окѣ, Волга, начиная отъ Нижняго, и становится такою величественною рѣкою, и тѣ же горы, извѣстныя здѣсь подъ именемъ Дятловыхъ, которыя давно уже тянулись по правому берегу Оки,

своротивъ вправо, высятся отсюда непрерывною грядою далѣе, также по правому берегу Волги.

Кстати, обратимъ здѣсь вниманіе на то, что Ока, несмотря на громадность ея и на сильный напоръ воды, не своротила, однако, Волги съ ея направленія подобно тому, какъ своротили ее Вазуза и Молога; напротивъ, Ока сама какъ бы послѣдовала за главною рѣкою. Здѣсь, какъ видимъ, и подтверждается то обстоятельство, что такая перемѣна въ направленіи рѣки зависитъ главнѣйше отъ свойства берегового кряжа. И въ самомъ дѣлѣ, эти Дятловы горы давно уже тянутся по правому берегу Оки, по направленію съ запада на востокъ, а какъ разъ при впаденіи ее въ Волгу онѣ вдругъ повернули вправо, т. е. почти къ югу, и обѣ наши рѣки послѣдовали по указанному ими направленію.

Костромской Ипатьевскій монастырь.

IV.

Отъ Нижняго до Самары.

Люди бывалые говорятъ: кто хочетъ видѣть Волгу во всемъ ея величіи, тому слѣдуетъ начать путешествіе по ней отъ Нижняго. И дѣйствительно, туристы, любители прекрасныхъ видовъ природы, пренебрегаютъ, обыкновенно, верхнимъ теченіемъ рѣки и совершаютъ свою поѣздку по Волгѣ, обыкновенно начиная съ Нижняго. Однако, — скажемъ отъ себя,—кто хочетъ не только насладиться широкими живописными видами по рѣкѣ, но также ближе ознакомиться съ ея колыбелью въ Волговерховьи, съ прихотливыми ея уклоненіями по пути къ Каспію, съ порогами и одинцами въ руслѣ ея, вообще съ сопровождающими ее явленіями на этомъ, такъ сказать, младенческомъ поприщѣ рѣки, для того, конечно, не лишено будетъ интереса все верхнее теченіе Волги, отъ самаго ея истока и до Нижняго. Прослѣдивъ рѣку до этого мѣста, пускаемся далѣе внизъ

по теченію на одномъ изъ большихъ прекрасныхъ пароходовъ той же Волжской компаніи.

Прежде, однако, чѣмъ распроститься совсѣмъ съ могучею Окою, обратимъ вниманіе на одно важное явленіе, повторяющееся почти всякій разъ при сліяніи двухъ рѣкъ. Воды Оки, ударяясь въ Волгу, отъ столкновенія теряютъ часть своей силы: теченіе ихъ нѣсколько замедляется, вслѣдствіе того вода не можетъ уже нести далѣе тѣ песчаныя частички, которыя ею легко увлекались прежде, при болѣе стремительномъ теченіи. А потому Ока при сліяніи съ Волгою неминуемо должна была отложить часть своихъ песковъ; оттого-то при устьѣ ея и образовался островъ, подошедшій своимъ восточнымъ концомъ къ самому мосту, который соединяетъ верхій городъ съ ярмаркою. Мало того, въ самой Волгѣ теченіе тоже замедлилось, и противъ Нижняго, въ свою очередь, также образовался песчаный островъ, а верстахъ въ трехъ далѣе внизъ по теченію — еще другой большой, называемый Козьимъ. Этотъ островъ вытянулся въ длину верстъ на шесть, а ширина его немного болѣе полуверсты. По немъ среди тальника и черемухи высятся прекрасные густые осокори. Поближе къ городу и къ правому берегу находится сверхъ того третій маленькій островокъ.

Эти песчаные острова по рѣкѣ вообще отличаются своимъ непостоянствомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Волга смываетъ островъ въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а въ другомъ образуется зато новый. Нерѣдко случается, что, расширяясь отъ песчаныхъ наносовъ, островъ сливается, наконецъ, съ материкомъ. Вслѣдствіе всего этого, само собою разумѣется, мѣняется судовой ходъ, т. е. фарватеръ, или стрежень, какъ говорятъ волгари. За послѣдніе года онъ сталъ отходить все болѣе и болѣе къ лѣвому берегу Волги и удаляться отъ города. Если это такъ продолжится, то со временемъ Нижній будетъ орошаться рѣшительно однѣми только водами Оки.

Двинувшись съ пристани въ десять часовъ утра, нашъ пароходъ, по имени „Царица", прошелъ мимо Козьяго острова и, благодаря разливу въ настоящую весеннюю пору, смѣло направился вдоль праваго берега мимо общирныхъ поемныхъ луговъ, залитыхъ полою водою. Затѣмъ, миновавъ еще нѣсколько островвовъ, мы дошли до конца большихъ луговъ праваго берега. Въ этомъ мѣстѣ, ударившись въ крутизны, рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ влѣво: она образуетъ здѣсь клюку, какъ выражаются судовщики. Наконецъ-то мы миновали всѣ здѣшніе острова, и передъ нами на востокъ пошло чистое и прямое плесо. Однако

Видъ города Кинешмы.

вскорѣ опять замѣчаемъ, что посреди русла раскинулась цѣлая роща. Издали съ палубы такъ и кажется, что она стала стѣной поперекъ рѣки. Пароходу, кажется, тутъ и пройти негдѣ. Подъѣхавъ ближе, мы убѣждаемся, что это опять поросшій лѣсомъ островъ.

Придерживаясь прямого и, слѣдовательно, кратчайшаго пути, пароходъ пошелъ по правой сторонѣ острова, не по настоящему фарватеру Волги, а по рукаву ея. Однако, среди лѣта въ межень, т. е. въ періодъ полнаго спада водъ, въ этомъ рукавѣ бываетъ такъ мелко, что суда не могутъ ходить по нему. Подобные рукава зовутся здѣсь воложками, т. е. маленькими Волгами, а самый фарватеръ прозывается коренною Волгою. Итакъ лѣтомъ, въ межень, пароходы поневолѣ должны итти коренною Волгою; для этого имъ слѣдуетъ обогнуть островъ съ лѣвой стороны.

Миновавъ устье рѣчки, пробирающейся по поливнымъ лугамъ лѣваго берега, мы вскорѣ замѣчаемъ вдавшійся въ эти луга заливчикъ, или затонъ, какъ называютъ его на Волгѣ. Такихъ затоновъ встрѣчается немало по рѣкѣ. Образуя какъ бы естественныя гавани, они служатъ спасительными пристанищами для судовъ въ теченіе зимы, особенно во время ледохода. Въ позднюю осень, предъ наступленіемъ морозовъ, сковываю-

щихъ воды ледяною корою, пароходы, баржи, барки и всякія суда спѣшатъ укрыться въ эти затоны, спасаясь, по возможности, за болѣе высокими берегами заливовъ отъ напирающихъ весною льдовъ. А иначе, застигнутыя въ неудобныхъ открытыхъ мѣстахъ, суда весною подверглись бы разрушительнымъ дѣйствіямъ ледохода.

Передъ нами на высотахъ праваго берега показывалось селеніе за селеніемъ, не далѣе какъ на разстояніи одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, тогда какъ на лѣвомъ берегу ихъ вовсе не было видно. Кое-гдѣ развѣ за залитыми водою лугами виднѣлась вдали деревушка; она точно прижалась къ болѣе возвышенному мѣсту отъ подступавшаго къ ея избамъ разлива рѣки. Миновавъ затѣмъ устье незначительнаго притока и пробравшись напрямикъ по воложкѣ, мы увидѣли по лѣвую сторону торчавшія надъ зеленью луговъ верхушки мачтъ. Оказалось, что самыя суда стоятъ въ устьѣ знаменитаго своими раскольничьими скитами Керженца, который здѣсь вливается въ Волгу. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ появилось расположенное по правому берегу воложки обширное село Лысково. Съ своими довольно приглядными домами, избами и церквами оно засѣло въ долинѣ между холмами, словно въ сѣдлѣ. Издали, съ палубы я могъ насчитать пять церквей въ селѣ. По

всему этому можно уже судить о многолюдствѣ его и о довольствѣ, даже богатствѣ здѣшнихъ жителей.

На лѣвомъ берегу коренной Волги, почти противъ Лыскова, стоитъ тихій, скромный Макарьевскій монастырь съ его ветхими, облупившимися стѣнами кремля и круглыхъ башенъ. Тутъ передъ нами представились съ одной стороны, направо, суетная жизнь торговаго населенія, а съ другой— тишь и безмолвіе отживающаго монастырскаго строя. И не только въ настоящее время, но и въ прежніе также вѣка Лысково и Макарьевъ составляли двѣ рѣзкія, можно сказать, даже враждебныя другъ другу противоположности во многихъ отношеніяхъ. „Старый Макаръ", какъ называютъ иногда городокъ Макарьевъ, всегда слылъ благочестивымъ тихимъ мѣстомъ, которое въ былое время оживлялось только въ ярмарочную пору. Эта знаменитая ярмарка была здѣсь открыта около двухсотъ-пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Она просуществовала до начала текущаго столѣтія. Когда въ 1816 году сильный пожаръ истребилъ ярмарочныя постройки, то торжище было перенесено въ Нижній, гдѣ и возникъ „Новый Макаръ", какъ въ народѣ нерѣдко прозывается Нижегородская ярмарка.

Однако монастырю пришлось пережить встарь

немало бѣдствій. И дѣйствительно, также болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ донской казакъ Стенька Разинъ. предводительствуя мятежными шайками по Волгѣ, разослалъ изъ-подъ Симбирска письма по прибрежнымъ селамъ и дорогамъ, возбуждая народъ противъ воеводъ и дворянъ вообще. Такія письма дошли тоже въ Лысково. Тогда это богатое село и послужило однимъ изъ главныхъ притоновъ для разбойничьихъ шаекъ. Примкнувъ къ шайкѣ Стеньки Разина, буйныя толпы лысковцевъ въ 1670 г. осадили Макарьевскій монастырь, требуя сдачи и грозя въ противномъ случаѣ перебить всѣхъ монаховъ. Несмотря на ярый натискъ со стороны лысковцевъ, монахи сначала отстояли свою обитель. Но, благодаря наглому предательству одного изъ ссыльныхъ въ монастырь, мятежники все-таки успѣли проникнуть въ него. Они разорили и разграбили храмы, мучили иноковъ, изъ которыхъ, къ счастью, многимъ удалось спастись заранѣе. Вскорѣ затѣмъ подоспѣлъ царскій отрядъ, снаряженный для усмиренія разинскаго бунта, и разбилъ на голову нестройныя толпы мятежниковъ. Остатки ихъ переправились было въ Лысково, но были тамъ окончательно уничтожены.

„Старый Макаръ“ теперь въ тишинѣ доживаетъ свой вѣкъ, и, можетъ-быть, ему не очень долго

придется протянуть до своего конца; тѣмъ болѣе, что Волга изъ года въ годъ отрываетъ часть берега подъ самымъ монастыремъ, и старая обитель, того и смотри, очутится со временемъ на днѣ русла. Когда мы проѣзжали тутъ мимо, то не только монастырь, но и самый городъ, впрочемъ болѣе похожій на деревню, былъ залитъ рѣкою, такъ что нѣкоторые дома со всѣхъ сторонъ орошались водою Волги И такимъ образомъ Макарьевъ испоконъ вѣка съ каждою весною подвергается размытіямъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ между прочимъ Рагозинъ въ своей книгѣ о Волгѣ: „Апрѣля 23-го 1847 года въ городѣ на залитой водою улицѣ утонулъ діаконъ Казанскаго собора. Въ это время весь городъ, подобно Венеціи, стоитъ въ водѣ: улицы превращаются въ рѣки, площади и дворы—въ озера, а дома и строенія—въ острова. Чиновникъ ѣдетъ къ должности въ лодкѣ; одинъ житель ѣдетъ къ другому за дѣломъ или въ гости въ лодкѣ; кушанье изъ кухни въ домъ везутъ въ лодкѣ; мѣщанка ѣдетъ доить корову въ лодкѣ; лошади и прочій домашній скотъ помѣщаются на плотахъ. Это случается каждый годъ, хотя бы вода была и не слишкомъ высока".

Проѣхавъ немного далѣе, пароходъ минуетъ лысковскій затонъ, возлѣ котораго на правомъ берегу разсыпалось по скату холмика село Исады.

Съ палубы впереди виднѣется длинный кряжъ холмовъ праваго берега, извѣстныхъ подъ именемъ Фадѣевыхъ горъ. Онѣ составляютъ какъ бы продолженіе тѣхъ возвышенностей, которыя отъ Нижняго тянулись подъ названіемъ Дятловыхъ. По крутымъ скатамъ и на верху Фадѣевыхъ горъ, при разныхъ селахъ, тянутся цѣлые ряды фруктовыхъ садовъ. Изъ фруктовъ въ особенности яблоки составляютъ одинъ изъ важныхъ промысловъ здѣшняго края.

Принявъ въ себя нѣсколько незначительныхъ рѣчекъ, Волга образуетъ затѣмъ излучину, или клюку, и, направившись къ юго-востоку, встрѣчаетъ съ правой стороны довольно большой притокъ—Суру. При устьѣ этой рѣки, по склонамъ высокаго мыса, живописно раскинулись окруженные зеленью дома и скромная церковь Васильсурска или, короче, Василя, какъ называетъ его народъ. Нашъ пароходъ присталъ тутъ въ пятомъ часу пополудни. Сура славится своими стерлядями; на ней вообще производится весьма значительный рыбный промыселъ, отсюда много рыбы идетъ въ Нижній и Москву. Сверхъ того Василь торгуетъ также хлѣбомъ въ зернѣ и мукой.

Этотъ городъ представляетъ еще интересъ по отношенію къ тѣмъ переворотамъ, какіе производятся размытіемъ береговъ. Мы видѣли уже, какъ

Волга размываетъ берегъ подъ Макарьевскимъ монастыремъ; Сура, въ свою очередь, производитъ еще болѣе сильныя разрушенія. И въ самомъ дѣлѣ, на уступѣ горы, на которой расположенъ Василь, въ 1523 году основана была крѣпостца. Черезъ 33 года Сура совсѣмъ смыла эту крѣпость, такъ что вынуждены были поставить новую на горѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ день Преполовенія, т. е. 25 дней спустя послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, во время литургіи, церковь вмѣстѣ съ народомъ была внезапно поглощена водой. Послѣ того не разъ еще случались обвалы, но о нихъ не упоминается уже въ отдѣльности. Впрочемъ, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія снесло еще торговыя лавки и нѣсколько домовъ на базарной площади. Но вотъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Сура въ самую полночь нежданно удалилась отъ города, покинувъ свое старое русло и проложивъ себѣ новое въ верстѣ отъ Василя. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде протекала рѣка, теперь остался оврагъ. Съ этой поры рѣка перестала обрушать берегъ, на которомъ стоитъ городъ.

Такъ-то изъ года въ годъ работаетъ Волга съ своими притоками, разрушая въ однихъ мѣстахъ берега, слагая въ другихъ мѣстахъ наносы, засаривая свой старый фарватеръ, образуя новые острова. Располагаясь обыкновенно про-

Сліяніе Оки съ Волгой во время разлива.

тивъ устьевъ притоковъ, эти острова бываютъ почти всѣ одинаковаго вида. Верхній конецъ, обращенный противъ теченія, такъ называемый приверхъ, почти всегда крутъ и обрывистъ, а нижній, прозываемый ухвостьемъ и обращенный въ сторону теченія, оканчивается узкимъ удлиненіемъ, напоминающимъ какъ бы хвостъ цѣлаго, болѣе широкаго острова.

Принявъ въ себя Суру, Волга опять дѣлаетъ поворотъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, и фарватеръ ея, покинувъ правый нагорный берегъ, переходитъ къ лѣвой луговой сторонѣ. Верстахъ въ двадцати отъ Василя показалось село Юрьино. Тутъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣваго берега стоитъ дворецъ, выстроенный въ нормандскомъ вкусѣ, близъ него возвышается красивая церковь. Это, какъ оказалось, была богатая усадьба Шереметьева. Вслѣдъ затѣмъ Волга принимаетъ слѣва довольно значительный притокъ — Ветлугу. Противъ его устья, на правомъ берегу, расположился Троицкій посадъ.

Въ весеннюю пору по Ветлугѣ, пользуясь разливомъ, частью на плотахъ, частью на бѣлянахъ, сплавляются бревна, тесъ, дрова, мочала, рогожи, смола, деготь, вообще много всякого лѣснаго товара. Всѣ эти прибывшіе сверху плоты и бѣляны широкой полосой тянулись вдоль праваго берега.

Верстахъ въ десяти далѣе внизъ по рѣкѣ показался живописно раскинутый на крутомъ холмѣ праваго берега Козьмодемьянскъ. Издали онъ съ своими домиками и церквами показался довольно красивымъ городомъ. Когда, однако, въ седьмомъ часу вечера пароходъ остановился у пристани, то по берегу и по скатамъ представились довольно невзрачные домишки и разныя постройки неопредѣленной архитектуры, въ родѣ сараевъ. Между этими неприглядными строеніями толпилось много разнаго рабочаго люда. Дѣло въ томъ, что здѣсь съ мая мѣсяца открывается каждый годъ лѣсная ярмарка. Она теперь и привлекла въ городъ толпы лѣсоторговцевъ съ ихъ приказчиками и рабочими изъ дальнихъ мѣстъ. Плоты и бѣляны съ лѣснымъ товаромъ, которые мы видѣли, подъѣзжая къ городу, были предназначены именно въ продажу на ярмаркѣ. Отсюда они отправятся потомъ далѣе внизъ по рѣкѣ, въ Казань, Царицынъ. Немало лѣса перевозится также по Каспійскому морю въ Узунъ-Ада, откуда онъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ доставляется внутрь вообще бѣдной строевымъ лѣсомъ центральной Азіи.

Не доходя до Козьмодемьянска, Волга изъ Нижегородской губерніи перешла уже въ Казанскую, въ бывшее нѣкогда татарское царство, присоеди-

ненное къ Россіи Іоанномъ Грознымъ. Вмѣстѣ съ татарами тогда подчинились русскому владычеству также другіе проживавшіе въ краѣ инородцы, а именно черемисы и чуваши. Тѣ и другіе стали уже показываться на пристани въ Козьмодемьянскѣ въ толпѣ рабочихъ. Надо, однако, внимательно приглядѣться къ физіономіи, для того чтобы отличить этихъ инородцевъ, тѣмъ болѣе, что они за послѣднее время успѣли почти совсѣмъ обрусѣть.

Черемисъ вообще насчитывается немного; какъ полагаютъ, ихъ всего около 250,000 душъ, такъ что въ одной Москвѣ, напримѣръ, окажется чуть ли не вчетверо болѣе жителей. Этотъ небольшой остатокъ финскаго племени дѣлится, сверхъ того, по мѣсту жительства, на горныхъ и луговыхъ черемисъ. Горные, проживающіе на правомъ берегу, отличаются статнымъ ростомъ. Они занимаются главнѣйше земледѣліемъ. Ихъ насчитывается весьма немного. Гораздо болѣе числомъ луговыхъ черемисъ, которые промышляютъ преимущественно пчеловодствомъ и лѣснымъ производствомъ; въ прежніе года они кормились въ особенности охотой. Отправляясь на нѣсколько дней въ глухія дебри, черемисъ запасался, бывало, краюхой хлѣба, вооружался топоромъ и ружьемъ. Гоняясь днемъ за дичью, онъ ночь проводилъ въ лѣсной

Нижній-Новгородъ со стороны Оки.

глуши; разведя костеръ и закуривъ свою трубочку, располагался передъ нимъ на покой до зари. Такъ проводилъ онъ время изо дня въ день. Эта уединенная жизнь въ лѣсномъ затишьѣ отражалась на самомъ характерѣ черемиса: онъ былъ вообще молчаливъ и угрюмъ. Безстрашно встрѣчаясь въ дебряхъ одинъ на одинъ съ опасными хищными животными, черемисъ боязливо избѣгалъ встрѣчъ съ полиціей и со всякимъ начальствомъ: до такой степени этотъ народъ былъ запуганъ всякими административными властями. Онъ по возможности избѣгалъ также города и любилъ селиться среди лѣса. За послѣднее время, однако, черемисы, какъ увѣряютъ, стали болѣе пріурочиваться къ русскимъ селеніямъ и вступать даже въ родственныя связи съ русскими крестьянами. Такимъ путемъ это племя со временемъ совершенно обрусѣетъ, и о черемисахъ сохранится одна лишь память, какъ объ исчезнувшей расѣ. Замѣтимъ еще, что эти инородцы, — какъ сообщаютъ, по крайней мѣрѣ, очевидцы,—питаются вообще едва ли не лучше русскаго простонародья. И дѣйствительно, несмотря на то, что черемисы обращены теперь въ православную вѣру, они даже въ самый Великій постъ ѣдятъ скоромное, сверхъ того употребляютъ въ пищу зайцевъ, бѣлокъ, мясо оленей, разныхъ птицъ, иногда даже конину, чѣмъ

обыкновенно брезгаетъ великорусскій крестьянинъ.

Чувашъ насчитывается вообще болѣе черемисъ, а именно около 600,000 душъ. Они также составляютъ остатокъ финскаго племени, смѣшавшагося отчасти съ татарами. Чуваши, хорошіе хлѣбопашцы, промышляютъ, впрочемъ, еще охотой и рыбной ловлей. Обитаютъ они большею частью по правому нагорному берегу. Они, какъ кажется, подобно татарамъ, устойчивѣе черемисъ поддерживаютъ типичныя свойства своей расы и не такъ скоро русѣютъ. Татары, которыхъ также немало было на пристани въ Козьмодемьянскѣ, рѣзче всего отличались отъ другихъ народностей своими неизмѣнными, всѣмъ намъ довольно извѣстными монгольскими чертами.

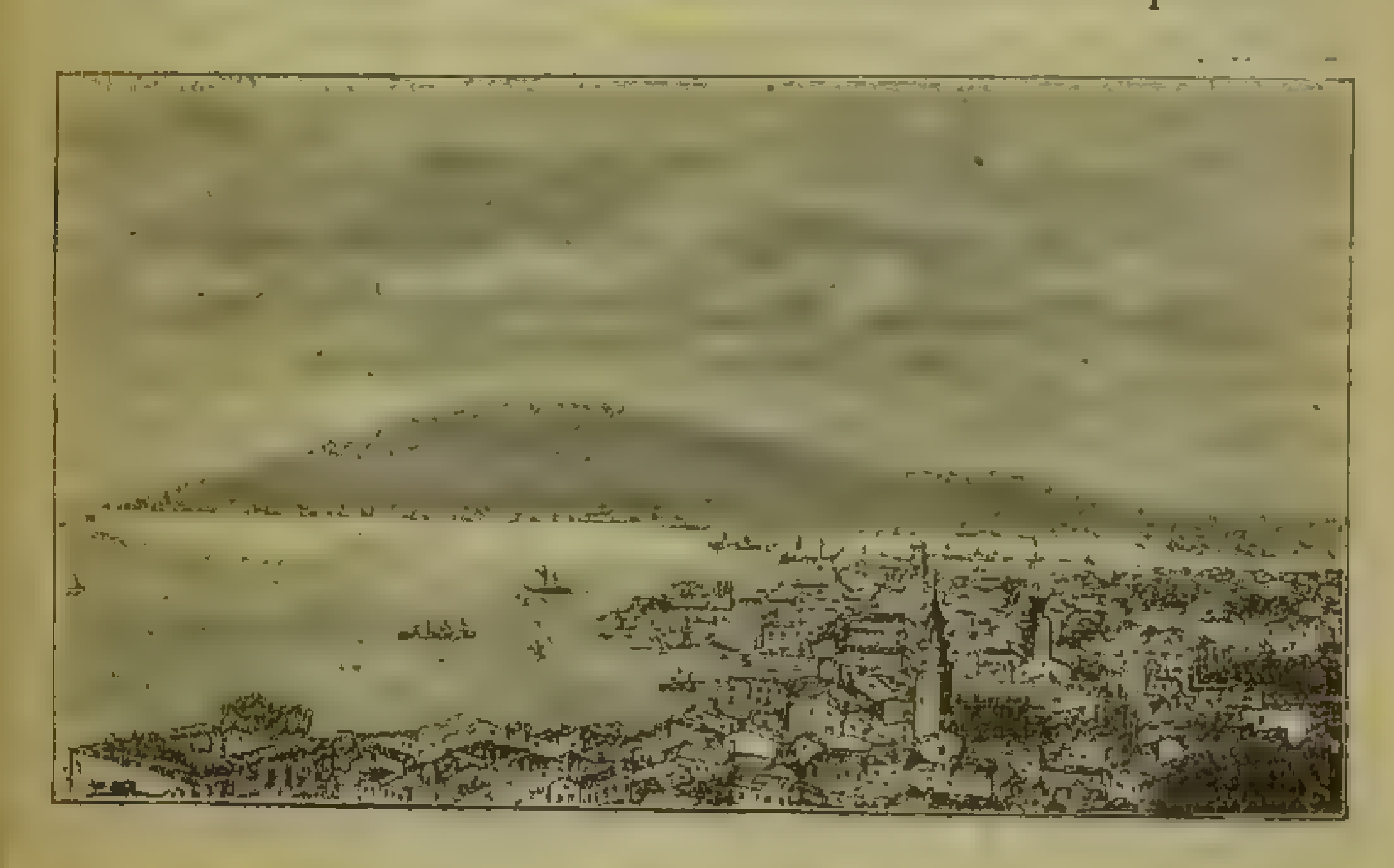
Покинувъ Козьмодемьянскъ, мы съ палубы парохода замѣтили, что рѣка расширилась еще болѣе, а по поверхности воды разсыпалась цѣлая группа островов. Все это произошло здѣсь вслѣдствіе впаденія съ той и другой стороны нѣсколькихъ, хотя и незначительныхъ, рѣчекъ. Каждая изъ нихъ, правда, питаетъ Волгу новымъ запасомъ воды, но зато и слагаетъ противъ своего устья разные наносы, песокъ и глину, образуя мели и острова. Въ пору весенняго разлива нашъ пароходъ безпрепятственно прошелъ по этимъ мѣ-

стамъ. Иное дѣло бываетъ среди лѣта, въ пору сильнаго спада водъ. Тогда отъ этихъ острововъ и мелей самый фарватеръ бываетъ здѣсь крайне запутанъ и разбивается на нѣсколько перекатовъ и струй. Такія мѣста на Волгѣ называются разбоистыми или также поливами. Такъ, между прочимъ, мѣсто, гдѣ разсыпана по рѣкѣ группа островов подъ Козьмодемьянскомъ, именуется Туричьими поливами. Тутъ въ меженное время не легко пройти пароходу; только опытный лоцманъ въ состояніи провесть тутъ судно по всѣмъ извилинамъ и перекатамъ, да и то лишь благодаря знакамъ, какіе ставятся по берегамъ такихъ мѣстъ.

Эти знаки давно уже обратили на себя наше вниманіе. Дѣло въ томъ, что на перекатахъ содержатся особые постовые сторожа и десятники. Надъ ними главнымъ руководителемъ назначается старшина, лоцманъ. Вся эта перекатная прислуга слѣдитъ за измѣненіемъ русла рѣки и разставляетъ въ надлежащихъ мѣстахъ по берегамъ особые знаки или сигнальные столбы. На правомъ берегу они бываютъ красные съ бѣлымъ, а на лѣвомъ—зеленые съ бѣлымъ. Каждое утро на разсвѣтѣ прислуга обязана измѣрять глубину фарватера на перекатахъ и вывѣшивать на столбахъ добытые такимъ путемъ результаты. Вотъ этими-то знаками

и руководятся отчасти лоцманы, проводя пароходы по опаснымъ перекатамъ.

Вскорѣ вслѣдъ за Туричьими поливами Волга опять образовала клюку, направившись къ юго-востоку. Потомъ, миновавъ живописно располо-

Видъ города Козьмодемьянска.

женную среди рощи, на пригоркѣ праваго берега, Ильинскую пустынь, она пошла прямо на востокъ, къ городу Чебоксары. Пароходъ присталъ сюда поздно вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, такъ что мы съ палубы едва могли разобрать нѣсколько куполовъ и колоколенъ, возвышавшихся надъ небольшими домами. Здѣшняя мѣстность во-

обще изобилуетъ лѣсами и прекрасными дубовыми рощами. Самый городъ Чебоксары считается столицею чувашъ. Разсказываютъ даже, будто названіе его произошло отъ именъ жившихъ здѣсь когда-то чувашскихъ старцевъ: Чебака и Сара. Лѣтъ двѣсти съ небольшимъ тому назадъ Чебоксары, какъ увѣряютъ, съ виду были даже красивѣе Нижняго. Теперь же эта чувашская столица отъ деревни отличается развѣ своими многочисленными церквами, да и то крайне ветхими. Къ нимъ пристроились невзрачные домишки и деревянныя избушки. За ветхостью нѣкоторыя изъ церквей грозятъ даже паденіемъ, и потому онѣ, какъ говорятъ, совсѣмъ заперты.

Продолжая течь на востокъ и уклоняясь потомъ къ юго-востоку, Волга то справа, то слѣва принимаетъ разные притоки. При ихъ устьяхъ въ руслѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, образовались острова, опасныя мели съ перекатами, а мѣстами также спасительные затоны. Миновавъ въ теченіе ночи посадъ Сундлеръ на правомъ берегу и другія незначительныя селенія, также неважный городокъ Свіяжскъ, нашъ пароходъ въ пять часовъ утра подходилъ уже къ Казани. Я съ палубы издали уже любовался живописнымъ видомъ города. На возвышенности лѣваго берега бѣлѣли стѣны кремля; оттуда выглядывали колокольни русскихъ церк-

вей по сосѣдству съ минаретами татарскихъ мечетей; между ними отличалась знаменитая, уцѣлѣвшая отъ погрома послѣ извѣстной осады Казани, красная башня Сумбеки.

V.

Отъ Казани до Самары.

Множество вытянутыхъ вдоль пристани судовъ всякаго рода и всѣхъ величинъ, толкотня, суетня шумной толпы, среди которой попадалось много физіономій татарскаго типа,—все свидѣтельствовало, что передъ нами находится важный центръ торговли и промышленности. Выбравшись, однако, изъ толкотни на набережную, мы увидѣли передъ собою рядъ сѣрыхъ неприглядныхъ строеній, въ которыхъ помѣщались трактиры, харчевни, лавки съ разными съѣстными и колоніальными продуктами, и все это толпилось вдоль пыльной, крайне неровной, перерытой колдобинами и ямами, береговой полосы. Выбравшись изъ этой ухабистой улицы, я, по указанію прохожихъ, свернулъ въ сторону и вскорѣ подошелъ къ длинному деревянному сараю, въ которомъ помѣщается галера „Тверь". По надписи на переднемъ фасадѣ сарая значится, что императрица Екатерина Великая въ 1767 году совершила въ этой галерѣ

плаванье отъ Твери до самой Казани. Приставленный къ сараю сторожъ отперъ, по моей просьбѣ, дверь. Вступивъ внутрь, я увидѣлъ помѣщенное на подмосткахъ довольно грузное судно въ родѣ барки, но съ разными затѣйливыми рельефными орнаментами по бортамъ. Краска и позолота, которыми покрыты были эти украшенія, видимо потускнѣли за давностью лѣтъ. Вся галера длиной 22 сажени слишкомъ, а шириной почти четыре сажени. Въ передней части ея расположены скамьи для гребцовъ, а на кормѣ перегородками отдѣлено довольно значительное пространство, въ которомъ размѣстилось пять небольшихъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ стоитъ кровать, на которой по пути спала императрица, совершившая это не совсѣмъ удобное путешествіе внизъ по Волгѣ въ то время, когда еще не было пароходовъ. На самой галерѣ помѣщенъ еще ботъ, въ которомъ императоръ Павелъ совершилъ поѣздку изъ Казани вверхъ по рѣкѣ, въ Свіяжскъ. Тутъ же, въ сараѣ, въ углу, стоитъ стараго фасона, краснаго цвѣта съ золотымъ бордюромъ, карета, которую казанскіе жители приготовили для императрицы во время ея пребыванія въ городѣ.

Несмотря на крайне неприглядную набережную, въ Казани, какъ оказывается, болѣе полутораста разныхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ изго-

товляются, между прочимъ, извѣстное всѣмъ казанское мыло, потомъ еще глицеринъ, олеинъ, свѣчи всякаго рода, между прочимъ, также распространенныя по всей Россіи стеариновыя свѣчи братьевъ Крестовниковыхъ. Въ торговомъ отношеніи Казань играетъ, конечно, весьма важную роль по Волгѣ. Но всего важнѣе то, что эта бывшая за четыре вѣка слишкомъ тому назадъ столица и твердыня безпокойныхъ татаръ служитъ теперь умственнымъ средоточіемъ всего Поволжья. И въ самомъ дѣлѣ, съ той поры, какъ въ началѣ текущаго столѣтія здѣсь былъ основанъ университетъ, изъ него вышло уже много славныхъ ученыхъ.

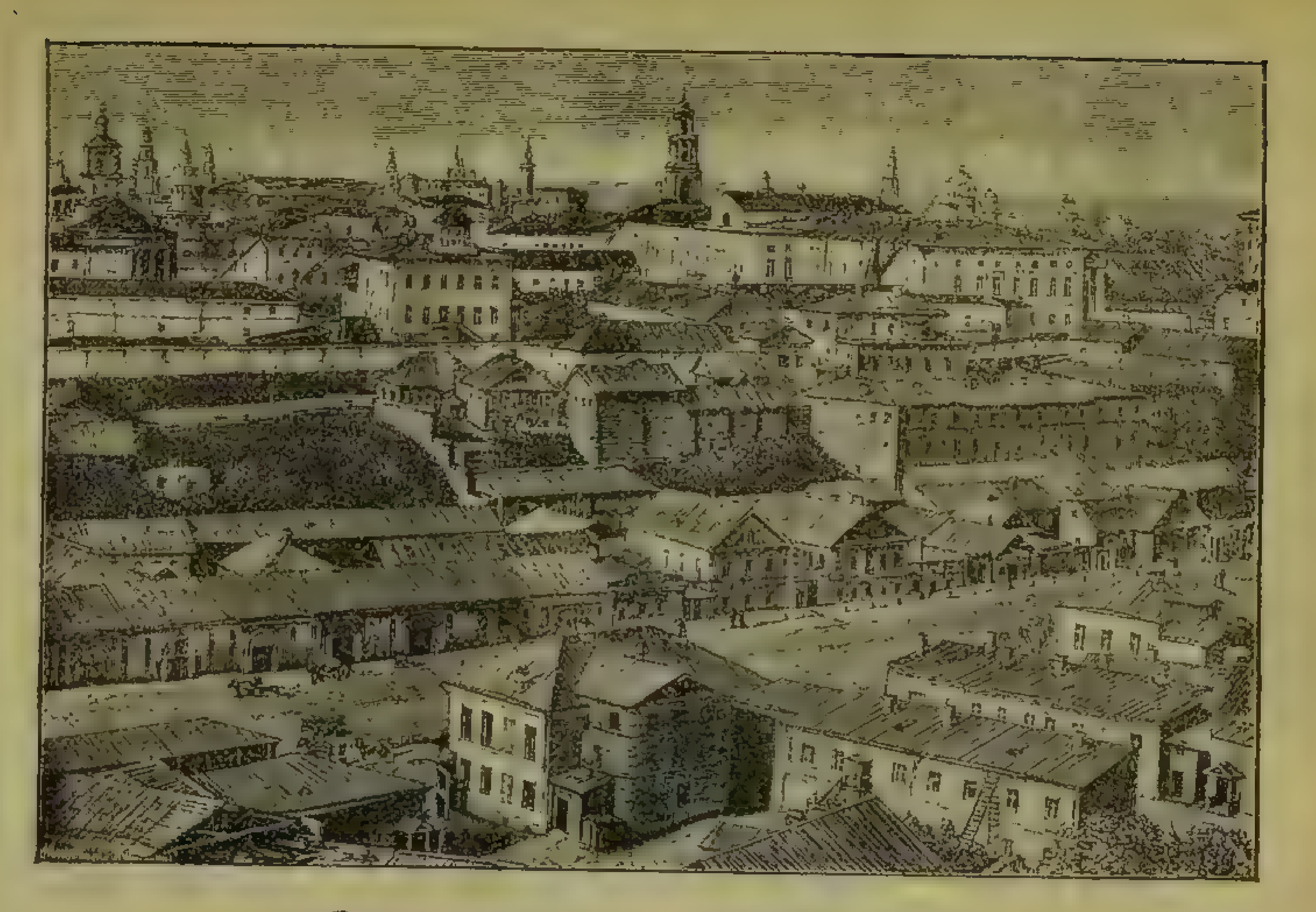
Однако, самый городъ отстоитъ верстъ на шесть отъ пристани. Онъ расположенъ частью на возвышенности, частью по скатамъ. Добраться до него можно на конкѣ, которая ходитъ отъ пристани по искусственной дамбѣ. Низменности по обѣ стороны этой дамбы были при насъ затоплены водой. Пройдя мимо довольно высокихъ каменныхъ домовъ, вытянутыхъ по обѣ стороны конки, я влѣво отъ нея, на невысокомъ холмѣ, увидѣлъ мрачное зданіе въ формѣ усѣченной пирамиды, съ крестомъ наверху. Внутри памятника помѣщается церковь, а подъ спудомъ, въ подземельной пещерѣ, устроенъ большой гробъ, въ ко-

торомъ похоронены останки воиновъ, павшихъ при взятіи Казани Іоанномъ Грознымъ.

Въ городѣ обращаютъ на себя вниманіе кремль съ старой Спасской башней, нѣсколько монастырей и церквей, татарскія мечети, потомъ университетъ и библіотека. Противъ театра стоитъ памятникъ Державину, уроженцу Казани. Авторъ оды „Богъ“ представленъ сидящимъ въ римской тогѣ, съ арфою въ лѣвой рукѣ, со взоромъ, устремленнымъ къ небу.

Въ то самое время, когда Державинъ служилъ въ гвардейскомъ полку, Казань сильно пострадала отъ нашествія Пугачева. Разбитый подъ Оренбургомъ, самозванецъ въ 1774 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, подступилъ съ своими шайками къ Казани. Небольшое число солдатъ и плохо вооруженные жители, между ними даже ученики мѣстной гимназіи, не были въ состояніи отстоять городъ отъ многочисленныхъ осаждавшихъ полчищъ. Когда по городу распространился пожаръ, то жители и войско бросились въ кремль. Разбойники, какъ сообщаетъ Пушкинъ въ своей „Исторіи пугачевскаго бунта“, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и поджигая дома; они грабили магазины, церкви, убивали всѣхъ, кто попадался имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Но вотъ, на разсвѣтѣ, жители

съ крѣпостныхъ стѣнъ увидѣли гусаровъ генерала Михельсона. Генералъ послалъ къ губернатору офицера, который извѣстилъ жителей о томъ, что Михельсонъ въ семи верстахъ отъ Казани успѣлъ уже разбить полчища Пугачева. Вслѣдъ затѣмъ, присоединивъ къ себѣ гарнизонъ изъ крѣпости, генералъ опять разбилъ мятежниковъ, несмотря на то, что ихъ скопища много превосходили числомъ его отрядъ. Ватаги Пугачева разсыпались, а онъ самъ съ небольшою толпою бѣжалъ сперва въ лѣса, затѣмъ переправился на правый берегъ Волги. Помѣщичьи крестьяне, раздраженные жестокимъ обращеніемъ своихъ господъ, заволновались по всему нижегородскому Поволжью. Къ нимъ присоединились чуваши и другіе инородцы. Войско самозванца опять стало размножаться со дня на день. Преслѣдуемый правительственными отрядами, Пугачевъ улепетывалъ съ своими скопищами внизъ по теченію Волги, оставляя по себѣ кровавый слѣдъ. Наконецъ-то генералъ Михельсонъ вновь настигъ его недалеко отъ Царицына и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Самозванецъ едва ускакалъ и, перебравшись на лѣвый берегъ, скрылся тамъ въ пустынной степи. Въ сентябрѣ онъ былъ выданъ правительству своими же товарищами, отвезенъ въ Москву и казненъ со многими его сообщниками. Бунтъ былъ

Видъ города Казани съ восточной стороны.

окончательно подавленъ фельдмаршаломъ Суво-ровымъ, но грабежи по Волгѣ не совсѣмъ пре-кратились; долго еще послѣ того разбойники, извѣстные подъ именемъ понизовой вольницы, на-водили страхъ и ужасъ на судохозяевъ, спускав-шихся на баркахъ внизъ по рѣкѣ.

Подъ самою Казанью Волга, въ которую впада-етъ здѣсь рѣчка Казанка, образуетъ крутую из-лучину. Дѣло въ томъ, что холмы, которые отъ Оки сопровождали правый берегъ Волги почти по направленію къ востоку, поворотили отсюда прямо на югъ, и рѣка послѣдовала за ними туда же. Въ этой излучинѣ, такъ же какъ подъ Козь-модемьянскомъ, образовалось разбоистое мѣсто, такъ что на самомъ поворотѣ раскинулась широ-кая полива съ островами и поволожками. Это, впрочемъ, въ настоящую полую воду нисколько не мѣшало пароходу итти впередъ, когда послѣ четырехчасовой стоянки у пристани онъ двинулся далѣе.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ къ югу, число пассажировъ на пароходѣ все болѣе и болѣе прибывало, особенно въ третьемъ клас-сѣ. Тамъ ихъ набралось человѣкъ до трехсотъ, если не болѣе. Все это былъ большею частью ра-бочій людъ, ѣхавшій въ южныя хлѣбородныя гу-берніи для найма на полевыя работы. Между ни-

ми оказалась также партія переселенцевъ, имѣвшихъ въ виду подняться на пароходѣ вверхъ по Камѣ и двинуться затѣмъ въ сибирскіе края на поиски благодатныхъ земель для поселенія. Что же касается до перваго и второго классовъ, то въ нихъ было мало пассажировъ. Ни одинъ изъ нихъ, сколько я могъ замѣтить, не интересовался ни рѣкой ни берегами ея. Четверо джентльменовъ послѣ полудня засѣли за зеленый столъ и проиграли въ винтъ до глубокой ночи. Почтенный купецъ съ своей семьей ревностно занялся чаепитіемъ. Впрочемъ, постоянныхъ пассажировъ въ этихъ классахъ вообще было весьма немного; одни изъ нихъ высаживались въ какомъ-нибудь городѣ, другіе прибывали на пароходъ съ тѣмъ лишь, чтобы доѣхать до недальняго мѣста и опять выйти на берегъ. Во всякомъ случаѣ долженъ замѣтить, что, заинтересованный болѣе всего самою рѣкою и видами по берегамъ, я не успѣлъ ближе ознакомиться съ своими случайными спутниками...

Сопровождавшіе правый берегъ холмы поросли отчасти дубнякомъ; по нимъ же было раскинуто много селъ и деревень съ ихъ фруктовыми садами. Между ними особенно славится по Россіи своими яблоками расположенное на правомъ берегу село Антоновка, мимо котораго мы проѣхали еще до полудня. По лѣвой низменной сторонѣ

рѣки, покрытой мелкимъ лѣсомъ, почти вовсе не видать жилья. Кое-гдѣ развѣ близъ извѣстныхъ перекатныхъ знаковъ покажется избушка, служащая помѣщеніемъ для постовыхъ сторожей, о которыхъ было упомянуто выше.

Вскорѣ вслѣдъ за Антоновкой показалось на томъ же правомъ берегу село Богородское. Недалеко отъ него, внизъ по теченію, съ противоположной лѣвой стороны въ Волгу вливается громадная Кама. Берега ея не высоки, а сверхъ того, сопровождавшія Волгу по правому берегу горы отступили здѣсь къ западу. Оттого въ этомъ мѣстѣ при сліяніи двухъ огромныхъ рѣкъ раскинулась передъ нами обширная даль во всѣ стороны. Обѣ рѣки широко разлились верстъ на десять, а можетъ-быть и гораздо болѣе: за островами съ ихъ густыми дубравами, за стоявшими по поясъ и выше деревьями по берегамъ разстоянія какъ бы скрадываются, и не разберешь, гдѣ тутъ берегъ одной рѣки, гдѣ устье другой; передъ нами стелется широкая водная гладь, грозя затопить все, что не успѣло взобраться на верхушки дальнихъ холмовъ. Пароходу теперь раздолье по этому разливу. Иное дѣло лѣтомъ: тогда и тутъ тоже надо осторожно пробираться между островами и мелями, оттого что Кама, вливаясь въ Волгу, образуетъ передъ своимъ устьемъ опять та-

Уличныя сцены въ городѣ Казани.

кое же разбоистое мѣсто, какое мы видѣли у Козьмодемьянска; но здѣсь эта полива еще обширнѣе, чѣмъ тамъ.

Миновавъ это устье, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что здѣсь впала въ Волгу великая, обильная водою рѣка; далѣе внизъ по теченію рѣка широко разлилась отъ берега до берега. И недаромъ: вѣдь Кама по величинѣ превосходитъ не только Оку, но даже самую Волгу до мѣста встрѣчи съ нею. Много плотовъ и бѣлянъ съ разнымъ лѣснымъ товаромъ сплавляется по Камѣ изъ дальнихъ пермскихъ и вятскихъ первобытныхъ лѣсовъ на сѣверѣ.

Вскорѣ послѣ устья Камы нашъ пароходъ въ часъ послѣ полудня заворотилъ въ глубоко вдавшійся въ лѣвый берегъ заливъ. Это такъ называемый Спасскій затонъ, въ которомъ на зиму останавливаются пароходы и въ случаѣ нужды исправляются. Здѣсь въ семи верстахъ отъ берега находится село Болгары. Это не что иное какъ остатокъ бывшей столицы славнаго въ старину болгарскаго царства, исчезнувшаго болѣе четырехъ вѣковъ тому назадъ. Памятникомъ этого отжившаго царства служатъ развалины, изъ которыхъ особенно замѣчательны Малый минаретъ и такъ называемая Черная палата.

Вышедъ изъ затона, пароходъ черезъ часъ по-

слѣ того сталъ подходить къ малолюдному татарскому мѣстечку на правомъ берегу, къ Тетюшамъ. Отступившіе на время холмы праваго берега здѣсь опять подошли къ водѣ, такъ что передъ нами показалась довольно живописная гористая мѣстность. Высоко на горѣ виднѣлись купола церкви, окруженной домами, а по склонамъ зеленѣюшихъ холмовъ уступами спустились къ берегу группы домиковъ и вытянулись по набережной. Съ палубы парохода видно было, какъ съ самаго верху съѣзжали внизъ возы, сходили пѣшкомъ татары и ихъ жены въ яркихъ платьяхъ. Сначала все это подвигалось вправо, а потомъ заворачивало по извилинѣ влѣво, переходя постепенно все ниже и ниже; такъ точно на театральной сценѣ изображаются спуски зигзагами съ верху какой-нибудь альпійской горы.

Далѣе внизъ по рѣкѣ, подъ горою, у праваго, покрытаго густымъ лѣсомъ, берега стоитъ убогая часовенка на томъ мѣстѣ, какъ предполагаютъ, гдѣ прежде находился старый городъ Тетюши. Теперь это мѣсто прозывается Богородицкимъ рынкомъ. Замѣтимъ кстати, что подъ рынкомъ вообще на Волгѣ подразумѣвается плоскій, округлый мысъ, въ особенности въ мѣстахъ при сліяніи двухъ рѣкъ. Такъ вѣроятно и у этой часовни былъ когда-то песчаный мысъ,

или рынокъ, который смыло теченіемъ измѣнчивой рѣки.

Вскорѣ послѣ Тетюшъ Волга покидаетъ Казанскую губернію и орошаетъ уже справа берега Симбирской, слѣва—обширной степной Самарской губерніи. Подъ вечеръ пароходъ присталъ къ пристани Симбирска, расположеннаго на вершинѣ холма при устьѣ Свіяги. Съ палубы видны только деревянные дома по береговымъ склонамъ, съ каменною церковью между ними; а по изрытой колдобинами набережной стоятъ постройки съ разными лавками, трактирами и кабаками. Спускаясь къ водѣ уступами, скаты холма покрыты густыми рощами и садами. До самаго города, котораго не видать съ парохода, отъ рѣки считается около четырехъ верстъ по извилистой дорогѣ въ гору.

Въ Симбирскѣ воздвигнутъ памятникъ нашему знаменитому исторіографу Карамзину. Тутъ же родился поэтъ и закадычный другъ Пушкина Н. М. Языковъ; потомъ также извѣстный романистъ Гончаровъ. Недалеко отъ города находится та усадьба, по прозванію Биндяковка, которая послужила будто бы поприщемъ дѣйствій въ извѣстномъ его романѣ подъ заглавіемъ „Обрывъ". Такъ живо изображенный авторомъ покрытый лѣсомъ обрывъ спускается именно въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ.

Бурлаки на отдыхѣ.

Симбирскъ прославился также отпоромъ, какой онъ далъ Стенькѣ Разину. Взявъ Астрахань, Стенька отправился съ казаками на двухстахъ судахъ вверхъ по Волгѣ, а по берегу шла его конница. По пути онъ завладѣлъ Саратовымъ, потомъ Самарою, а въ первыхъ числахъ сентября подошелъ къ Симбирску. Среди города на горѣ находился кремль. Эта крѣпость была хорошо снаряжена пушками и защищалась стрѣлецкими отрядами подъ начальствомъ боярина Милославскаго. Стенька цѣлый мѣсяцъ возился около Симбирска. Положеніе города часъ отъ часу становилось безвыходнѣе. Наконецъ, въ октябрѣ, какъ разъ во-время подоспѣлъ на помощь князь Барятинскій съ войскомъ. Хотя у Разина было гораздо болѣе ратниковъ, чѣмъ у князя, однако его нестройныя шайки не могли сладить съ хорошо обученными солдатами Барятинскаго. Стенька бѣжалъ съ своими казаками, измѣннически покинувъ на вѣрную пагубу огромную ватагу приставшихъ къ нему сообщниковъ-мужиковъ. Они потомъ были частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ и казнены по приказу бояръ. Послѣ этого погрома Разинъ никакъ не могъ уже оправиться. Онъ поплылъ внизъ по Волгѣ; однако, ни въ Самарѣ ни въ Саратовѣ его уже не приняли. Въ Царицынѣ онъ оправился отъ ранъ и уѣхалъ потомъ на Донъ, гдѣ былъ захва-

ченъ въ плѣнъ атамапомъ донскихъ казаковъ, отвезенъ въ Москву и казненъ въ 1672 г.

Покинувъ Симбирскъ, мы миновали нѣсколько селенiй, расположенныхъ большею частью все такъ же, какъ и прежде, по правому нагорному берегу. Скоро совсѣмъ стемнѣло. Передъ тѣмъ какъ отправиться на ночь въ свою каюту, я попросилъ очень предупредительнаго капитана велѣть разбудить меня, когда пароходъ пристанетъ къ Ставрополю. Было еще темно, когда, услышавъ стукъ въ дверь, я всталъ и, одѣвшись наскоро, поспѣшилъ на палубу. Мы теперь проходили подъ пресловутыми Жегулями. Возвращаясь года два тому назадъ съ своей поѣздки въ Самаркандъ, я видѣлъ эти мѣста, поднимаясь днемъ на пароходѣ вверхъ по рѣкѣ; теперь мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на нихъ хоть ночью. Пароходъ, какъ можно было замѣтить по ярко сверкавшимъ звѣздамъ, заворотилъ на востокъ и пошелъ далѣе отъ расположеннаго на лѣвомъ берегу Ставрополя. На правой сторонѣ противъ города передъ нами потянулись дикiя, пустынныя группы возвышенностей. Круто обрываясь къ водѣ, онѣ поросли угрюмыми соснами и густымъ чернолѣсьемъ. Въ полумракѣ, при мерцающихъ въ высотѣ звѣздахъ, надъ рѣкою высились причудливые виды этихъ необитаемыхъ холмовъ съ ихъ первобытными

дебрями, съ едва доступными, непродорными трущобами, притонами всякой крупной и мелкой дичи. Человѣческихъ жилищъ совсѣмъ не видать, съ парохода незамѣтно никакого слѣда жизни по берегу. Скоро наступилъ разсвѣтъ; передъ нами блеснулъ яркій лучъ восходившаго солнца и освѣтилъ два почти рядомъ стоящіе кургана: это такъ называемые „два брата". А тамъ, за буераками и глухими ущельями, служившими прежде убѣжищемъ для разбойниковъ, высится Лысая гора. Далѣе, на низменномъ лѣвомъ берегу показался отдѣльнымъ безлѣснымъ холмомъ Царевъ курганъ. За нимъ горы съ обѣихъ сторонъ суживаютъ рѣку; ей негдѣ болѣе разгуляться. Сблизившись, оба берега круто обрываются къ поверхности воды. Эта рѣчная тѣснина прозвана Самарскими воротами. Вслѣдъ затѣмъ пароходъ заворачиваетъ къ югу по крутой излучинѣ, прозванной Самарскою лукою. Мы замѣтили тутъ, что кое-гдѣ между зеленью лѣсовъ бѣлѣли обнаженныя мѣста мѣловой формаціи, изъ которой большею частью состоятъ эти горы.

Такихъ поражающихъ своею живописною дикостью видовъ не встрѣчается ни на Рейнѣ ни на иныхъ рѣкахъ въ Западной Европѣ, оттого, конечно, что тамъ давно почти все заселено и рѣдко гдѣ остались подобныя дѣвственныя мѣстно-

сти. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что Жегули въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать горами. Они доходятъ всего до ста съ небольшимъ саженъ въ вышину. Къ нимъ также можно отнесть слова Гоголя, сказавшаго вообще про Россію: „Не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы". Такія возвышенія, какъ Жегули, зовутся обыкновенно холмами; но въ виду степной окружающей мѣстности и эти холмы могутъ, пожалуй, считаться горами.

Не высотою своею отличаются Жегули,—они прослыли дикими, недоступными притонами бывшихъ въ прежніе годы разбойничьихъ шаекъ понизовой вольницы. Тутъ въ ущельяхъ, въ этихъ густо заросшихъ буеракахъ, между холмами ютились удалые молодцы, наводя страхъ на проѣзжавшихъ по Волгѣ судовщиковъ. Тутъ каждый холмъ, каждый буеракъ носитъ особое прозвище, съ которымъ народъ связываетъ разныя легенды о прошломъ времени. Тутъ побывали чуть ли не всѣ атаманы съ своими шайками понизовой вольницы. Выходя изъ своихъ притоновъ среди дремучихъ лѣсовъ, удальцы поджидали у берега подходившія суда. Завидѣвъ барку, они въ ладьяхъ подходили изъ засады на серелину рѣки и кричали: „Сарынь на кичку!" приказывая такимъ воз-

гласомъ людямъ на баркѣ ложиться ничкомъ на носу судна. Судовщики безпрекословно слушались. Разбойники вскакивали затѣмъ на палубу и, разграбивъ все добро, удалялись. Бѣда, если кто-нибудь изъ судовщиковъ вздумалъ бы приподняться въ ихъ присутствіи: его тутъ же убивали.

Несмотря ни на какія энергическія мѣры, которыя принимало правительство для искорененія разбоевъ, они все-таки не прекращались до тѣхъ поръ, пока не развилось обширное пароходство по Волгѣ, а именно до 1847 года. Теперь по Жегулямъ нечего опасаться разбойниковъ. Въ пустынныхъ нагорныхъ лѣсахъ изрѣдка лишь встрѣчаются охотники, преслѣдующіе лисицъ, волковъ, иногда даже медвѣдей. По затонамъ и береговымъ болотамъ охотятся также по дикимъ уткамъ и по всякой болотной дичи.

Нашъ пароходъ проходилъ Самарскою лукою. На крутомъ лѣвомъ берегу красовалась среди густой зелени дача Анаева, какъ называется это самое фешенебельное кумысное заведеніе, вслѣдъ затѣмъ показались на горѣ величественный соборъ, новое зданіе довольно большого театра, обширная паровая мельница, а тамъ по скату къ самой пристани амфитеатромъ спустились деревянные и каменные, почти все новые дома города

Самары. Множество судовъ всякаго рода, суетящіяся на пристани толпы рабочаго люда, легковые и ломовые извозчики на набережной, — все свидѣтельствовало о широкой торговой дѣятельности молодого города.

VI.

Отъ Самары до Астрахани.

Этотъ быстро развившійся за послѣднія десятилѣтія молодой городъ занимаетъ теперь на Волгѣ, можно сказать, первое мѣсто по размѣрамъ хлѣбной торговли. Помимо хлѣба онъ отправляетъ еще на сѣверъ по рѣкѣ и на западъ по желѣзной дорогѣ сало, кожи, шерсть и вообще всякіе продукты скотоводства. Главное преимущество Самары передъ другими портами на Волгѣ заключается въ чрезвычайно удобномъ расположеніи ея пристаней. Ихъ, собственно, двѣ: одна пристань расположена на самой Волгѣ, а другая—на впадающей въ нее рѣкѣ Самарѣ. Вся суть въ томъ, что этотъ притокъ весной вскрывается отъ льда ранѣе самой Волги. Такимъ образомъ пароходы и всякія суда, прозимовавъ въ рѣкѣ Самарѣ, по берегу которой расположились обширные амбары, начинаютъ грузиться хлѣбомъ тогда уже, когда ледъ по Волгѣ не успѣлъ еще пройти. Какъ только по главной рѣкѣ открывает-

Желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу въ Самарѣ.

ся судоходство, эти нагруженныя уже суда тотчасъ же выходятъ изъ устья Самары и направляются на сѣверъ, тогда какъ въ другихъ городахъ, лишенныхъ такой удобной пристани, баржи только-что начинаютъ грузиться. Вслѣдстіе этого суда съ хлѣбомъ изъ Самары приходятъ въ Рыбинскъ, а оттуда въ Петербургъ, нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ изъ Симбирска или изъ Казани. Желая получить по возможности скорѣе товаръ, хлѣботорговцы и закупаютъ хлѣбъ по преимуществу въ Самарѣ. Оттого-то она такъ быстро и населилась всякимъ торговымъ и рабочимъ людомъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ окрестностяхъ Самары, помимо Анаевой дачи, находятся еще другія кумысо-лѣчебныя заведенія и минеральныя воды, которыя много посѣщаются больными изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Благодаря такимъ выгоднымъ условіямъ, городъ за послѣдніе года обстроился многими новыми красивыми зданіями. Меня болѣе всего интересовалъ здѣсь памятникъ императору Александру II. Среди довольно обширнаго сквера, на мраморномъ пьедесталѣ, стоитъ фигура императора во весь ростъ; на немъ военный мундиръ и фуражка. На лицевой сторонѣ надпись: „Александру II, Царю-Освободителю, 1888 г.". Подъ группами съ разныхъ сторонъ значится также: „Освобожденіе

крестьянъ 19 февраля 1861 г."; потомъ упоминается о покореніи разныхъ странъ въ славное царствованіе, затѣмъ слѣдуетъ: „Отмѣна тѣлесныхъ наказаній — 1863 г., земскія учрежденія — 1864 г., гласное судопроизводство — 1862—1865 гг., городовое положеніе — 1870 г., всесословная воинская повинность — 1874 г., сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ и моста черезъ Волгу". Перечитывая теперь всѣ эти нововведенія блистательнаго царствованія, не вѣрится какъ-то, чтобы всѣ эти благотворныя мѣры совершились въ такой короткій срокъ, несмотря даже на то, что мы сами были живыми свидѣтелями великихъ реформъ и теперь еще съ восторгомъ воспоминаемъ о живомъ духовномъ подъемѣ, какимъ было охвачено все русское общество въ знаменательные шестидесятые года...

Покинувъ многолюдную пристань, пароходъ въ 9 часовъ утра еще разъ круто обогнулъ вправо южный край Самарской луки и пошелъ прямо на западъ, какъ разъ въ противоположномъ направленіи тому, по которому мы шли отъ Ставрополя. Такимъ образомъ мы ѣхали теперь, можно сказать, назадъ, и если бъ горы не заслоняли передъ нами пространство въ сѣверномъ направленіи, то можно было бы, пожалуй, вновь увидѣть съ парохода Ставрополь. Холмы понемногу нача-

ли отступать отъ берега, по которому противъ самой Самары потянулись обширныя села. Затѣмъ они приняли юго-западное направленіе. Вслѣдъ за холмами рѣка также своротила на юго-западъ. У самаго поворота вдали передъ нами показался великолѣпный перекинутый черезъ Волгу желѣзнодорожный мостъ, о которомъ упоминается въ надписи на вышеприведенномъ памятникѣ въ Самарѣ. Длина этого чудеснаго произведенія инженернаго искусства равна одной верстѣ и 200 саженъ. По немъ пролегаютъ рельсы желѣзной дороги, проходящей черезъ Самару въ Оренбургъ.

Та же желѣзная дорога проходитъ черезъ Сызрань. Этотъ городъ стоитъ собственно не на самой коренной Волгѣ, а на воложкѣ съ правой стороны. Нашъ пароходъ могъ пристать къ нему, благодаря лишь весеннему разливу. Низменная часть города была затоплена водой.

Не доѣзжая еще Сызрани, мы замѣтили, что въ горахъ изъ бѣлаго известняка выступали мѣстами почернѣвшіе слои. Тутъ, какъ оказалось, находились богатыя залежи горной смолы, или такъ называемаго асфальта. Близъ Сызрани въ огромномъ количествѣ вырабатывается этотъ черный известнякъ. Отсюда асфальтъ перевозится въ Москву, Петербургъ и другіе города. Благодаря богатымъ залежамъ и обширному производству,

Видъ города Вольска.

этотъ асфальтъ за послѣдніе года сильно подешевѣлъ, такъ что въ настоящее время онъ въ большомъ количествѣ потребляется для устройства тротуаровъ, а мѣстами даже мостовыхъ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Волга перешла изъ Симбирской губерніи въ Саратовскую, такъ что отсюда передъ нами справа шелъ саратовскій, а слѣва все еще самарскій берегъ. Миновавъ устье рѣчки Чагры, впадающей съ лѣвой стороны, пароходъ вечеромъ, въ пять часовъ, присталъ къ городу Хвалынску. Расположенный на правомъ берегу, онъ окруженъ мѣловыми горами, по которымъ на десятки верстъ за городомъ тянутся фруктовые сады. Волга становилась все шире и мѣстами разливалась словно огромное озеро; долженъ повторить еще разъ, что вообще на глазъ трудно опредѣлить разстояніе отъ одного берега до другого, а иногда не разберешь даже самихъ береговъ. По возвышеннымъ мѣстамъ то съ одной, то съ другой стороны показывались красивыя, живописно расположенныя села. Подъ вечеръ пароходъ подошелъ къ важной хлѣбной пристани большого богатаго села Балакова на лѣвомъ берегу. Мѣловыя горы все еще выступали бѣлыми яркими массами по правой сторонѣ рѣки. Когда стало темнѣть, то вправо отъ насъ показался уѣздный городъ Вольскъ. Его со всѣхъ сторонъ

окружаютъ мѣловыя горы, среди которыхъ онъ живописно раскинулся частью по возвышенности, частью по скатамъ.

Темною ночью пришлось проѣхать мимо разсыпанныхъ по луговой сторонѣ Волги селеній съ названіями, напоминающими Швейцарію, а именно: Шафгаузенъ, Гларусъ, Базель, Цюрихъ и т. д. На этотъ разъ мнѣ такъ и не удалось видѣть этотъ уголокъ мнимой Швейцаріи; но года два тому назадъ, поднимаясь вверхъ по Волгѣ, я немало любовался аккуратно расположенными домами съ ихъ садиками и множествомъ мельницъ при этихъ селеніяхъ. Они раскинуты по лѣвому берегу Самарской губерніи, однако все-таки называются Саратовскими колоніями оттого, что во время ихъ основанія весь этотъ край входилъ еще въ составъ Саратовской губерніи и лишь не такъ давно былъ причисленъ къ вновь учрежденной въ 1851 г. Самарской. Въ главной колоніи, Екатеринштадтъ, памятникъ Екатеринѣ II свидѣтельствуетъ своею надписью о томъ, что поселенія были заложены въ 1765 году.

На противоположной нагорной сторонѣ расположилось нѣсколько русскихъ селъ. Рано утромъ пароходъ присталъ къ самой „столицѣ Поволжья", какъ величаютъ обыкновенно Саратовъ. И не даромъ: онъ даже съ парохода показался довольно

большимъ и представительнымъ городомъ. Взбираясь по отлогому берегу вверхъ, Саратовъ съ своими статными бѣлыми домами, съ соборами, съ большими паровыми мельницами съ трехъ сторонъ окруженъ холмами, а съ четвертой примыкаетъ къ рѣкѣ. Въ смутные дни поволжскихъ разбоевъ Саратову не разъ приходилось терпѣть отъ понизовой вольницы. Тутъ побывали и Стенька Разинъ, и Пугачевъ, и другіе лихіе атаманы. Съ открытія пароходства городъ сталъ оправляться, а съ той поры, какъ сюда прошла изъ Тамбова желѣзная дорога, Саратовъ сталъ одною изъ важнѣйшихъ торговыхъ пристаней по Волгѣ. На берегу показалось много нѣмецкихъ колонистовъ, занимающихся разными промыслами въ городѣ.

Покинувъ Саратовъ, мы съ палубы парохода долго еще любовались живописными видами высокаго праваго берега: окруженныя садами красивыя дачи городскихъ жителей наверху, села и хутора въ лощинахъ, покрытыхъ лѣсомъ, — все это придавало весьма оживленный видъ сосѣднимъ окрестностямъ Саратова, красуясь надъ разлившеюся на десятки верстъ рѣкою. Отсюда, собственно, начинается нижнее теченіе Волги или Низовье, какъ говорятъ волгари. Далѣе стали показываться довольно красивыя села и между про-

Видъ города Саратова.

чимъ обширное, окруженное фруктовыми садами, богатое село Золотое на правомъ берегу. Вскорѣ послѣ полудня мы увидѣли причудливые обрывистые бугры или, по-татарски, шиханы. Эти, съ виду похожіе частью на крутые валы, частью на разрушенныя башни или на столбы, голые, сѣрые, а мѣстами совсѣмъ бѣлые мѣловые утесы, изборожденные въ разныхъ мѣстахъ полосами и узорами, носятъ названіе столбичей. Въ рытвинахъ между ними зеленѣютъ кустарники; жилья почти совсѣмъ не видать. Съ этими суровыми на видъ столбичами въ народѣ также связаны разсказы о происходившихъ по Волгѣ разбояхъ въ минувшія времена. Вонъ тотъ старообразный утесъ, что саженъ на шестьдесятъ высится надъ водою, носитъ названіе Стенькина бугра; Разинъ, какъ гласитъ преданіе, долго жилъ на этомъ столбичѣ. Вообще берега Волги, по словамъ Костомарова въ его книгѣ: „Бунтъ Стеньки Разина", усѣяны урочищами съ именемъ этого атамана. Въ другомъ мѣстѣ возвышеніе называется столомъ Разина оттого, что онъ тутъ обѣдалъ съ своими товарищами. Одинъ изъ холмовъ прозванъ шапкою Стеньки, оттого что онъ оставилъ на немъ свою шапку. Далѣе находится ущелье, поросшее лѣсомъ, которое слыветъ подъ именемъ тюрьмы Разина; здѣсь, какъ увѣряютъ, онъ

запиралъ въ подземельяхъ взятыхъ въ плѣнъ дворянъ...

Принявъ въ себя слѣва послѣднiй значительный притокъ Еруcланъ, Волга устремилась къ югу и прошла мимо города Камышина и Быковыхъ хуторовъ, расположенныхъ на правомъ гористомъ берегу. Здѣсь въ концѣ лѣта на пристаняхъ вездѣ продаются арбузы по пяти копеекъ за штуку. Болѣе всѣхъ славится Быково своими весьма вкусными арбузами. Съ нѣкоторыхъ поръ мы вообще замѣчаемъ, что въ воздухѣ стало гораздо теплѣе. А появленiе на берегахъ бахчей, по которымъ сѣются арбузы и дыни, убѣждаетъ насъ на дѣлѣ, что мы попали въ болѣе теплый край, въ которомъ созрѣваютъ пшеница, просо, кукуруза и другiе плоды, преуспѣвающiе лишь въ климатѣ съ болѣе высокою температурою, нежели какая господствуетъ въ средней полосѣ Россiи. За устьемъ Еруслана съ лѣвой стороны начинается обширная Астраханская губернiя, а справа все еще тянется Саратовская. Тутъ слѣдуетъ село за селомъ, деревня за деревней, какъ по правому, высокому, такъ тоже по лѣвому, низменному берегу рѣки. При селахъ виднѣется пропасть вѣтряныхъ мельницъ. Однако лѣса давно уже стали попадаться все рѣже и рѣже; кое-гдѣ лишь по береговому краю зеленѣютъ кусты. Рѣка все болѣе разли-

вается въ ширину. Верстахъ въ двадцати выше Царицына отъ Волги отдѣлился рукавъ Ахтуба. Рѣка и прежде уже отдѣляла отъ себя много короткихъ рукавовъ, но Ахтуба гораздо длиннѣе всѣхъ ихъ: она прорѣзала всю Астраханскую губернію вплоть до Каспійскаго моря, на протяженіи около трехсотъ верстъ.

Рано утромъ пароходъ остановился у Царицына, на этой важной пристани какъ по рыбной, такъ и по лѣсной торговлѣ. Набережная здѣсь то и дѣло осыпается цѣлыми глыбами, которыя нерѣдко вмѣстѣ съ стоящими на нихъ лачугами скатываются въ рѣку. Всюду поражаетъ васъ неприглядный видъ запущенности, несмотря на множество судовъ, стоящихъ у пристани и на примыкающій къ Царицыну Нобелевскій городокъ. Такъ называется расположенный нѣсколько повыше Волги керосиновый заводъ Нобеля. Онъ раскинулся съ своими большими каменными домами и цилиндрическими, наполненными нефтью цистернами, между двумя глубокими оврагами. Не такъ еще давно эти овраги съ непродорною въ нихъ чащею служили притонами для здѣшней голытьбы, наводившей своими грабежами ужасъ на окрестное населеніе. Въ настоящее время здѣсь живымъ ключомъ бьетъ промышленная цивилизованная дѣятельностъ. Сюда изъ нефтяного города на запад-

Видъ города Камышина.

номъ берегу Каспійскаго моря, изъ Баку, привозится громадное количество нефти; затѣмъ переработанный здѣсь керосинъ на пароходахъ и въ похожихъ на большія бочки цилиндрическихъ желѣзныхъ вагонахъ разсылается во всѣ концы Россіи.

Забравъ въ Нобелевомъ городкѣ нефти для топки парового котла, пароходъ двинулся далѣе. Волга вскорѣ круто своротила влѣво, т. е. на востокъ и, изгибаясь понемногу къ юго-востоку, рѣшительно направилась къ Каспію. А иначе, если бъ рѣка продолжала течь въ прежнемъ юго-западномъ направленіи, то она угодила бы какъ разъ въ Азовское море, куда и впадаетъ протекающій не въ дальнемъ разстояніи отъ Царицына Донъ.

На самомъ поворотѣ Волги, у подножія высокаго ската, близъ устья рѣчки Сарты, расположилась Сарептская пристань. Самый городъ Сарепта удаленъ отъ берега верстъ на семь. Эта колонія гернгутеровъ, или членовъ Братской общины, поселившихся здѣсь подобно вышеупомянутымъ саратовскимъ колонистамъ тоже въ царствованіе Екатерины II, прославилась въ Россіи болѣе всего своею такъ называемою сарептскою горчицею. Въ Москвѣ, Петербургѣ и въ другихъ городахъ община открыла свои магазины и съ

успѣхомъ торгуетъ въ нихъ не только горчицей, но также другими произведеніями сарептскихъ фабрикъ и заводовъ.

Пройдя отсюда нѣсколько верстъ прямо на востокъ, Волга, расширяясь все болѣе и болѣе, тихо-медленно катитъ свои воды далѣе по юго-восточному направленію. Отдѣлившійся отъ нея повыше Царицына рукавъ ея, Ахтуба, все время течетъ почти параллельно съ лѣвымъ берегомъ Волги. Между этими параллельными потоками образовалась цѣлая сѣть рукавовъ, переливающихся изъ одного русла въ другое, такъ называемыхъ ёриковъ, пропадающихъ въ степи подстепковъ и поросшихъ камышами озеръ или ильменей. Въ полую воду всѣ эти ёрики, ильмени и подстепки слились съ коренною Волгою въ одинъ мореподобный разливъ. Береговъ по временамъ почти совсѣмъ не видать. Горы, сопровождавшія доселѣ Волгу по правому берегу, совсѣмъ покинули рѣку и затерялись въ южномъ направленіи. И холмы и лѣса совершенно пропали изъ виду. Однако правый берегъ во многихъ мѣстахъ все-таки выступаетъ еще изъ воды своими почти отвѣсными известковыми стѣнами, а мѣстами показываются даже невысокіе холмистые бугры, напоминавшіе мнѣ видѣнные въ Закаспійскомъ краѣ песчаные барханы Когда мы проходили этими пустынны-

ми мѣстами, дулъ довольно сильный вѣтеръ съ Каспія. По рѣкѣ заходили волны, такъ что пароходъ покачивало словно на морѣ. На самомъ же дѣлѣ до моря еще далеко,—до Астрахани осталось еще нѣсколько сотенъ верстъ. Смотря на эту необозримую водную гладь, на эти волны съ ихъ разсыпающимися бѣлою пѣною верхушками, не вѣрится даже, чтобы это была та самая рѣка, которая, какъ мы видѣли, у Волгина верховья едва просачивается узкимъ ручейкомъ по топкому болоту.

Вскорѣ послѣ Сарепты мы стали подходить къ выдавшемуся въ воду немного возвышенному мыску. Едва пароходъ обогнулъ его, какъ показалось небольшое село; оно вытянулось съ своими сѣрыми избами вдоль праваго берега. Затѣмъ опять пошли пустынныя мѣста, песчаныя, покрытыя солнцами степи обширной Астраханской губерніи. По этому степному краю бродятъ кочевыя племена калмыковъ, киргизовъ и астраханскихъ татаръ съ ихъ табунами и стадами. Часу въ четвертомъ послѣ полудня пароходъ присталъ къ соляной пристани Владиміровкѣ. Сюда подвозится обыкновенно соль съ Баскунчакскаго соленаго озера, расположеннаго верстахъ въ пятидесяти отъ берега Волги. Однако въ половодье соль грузится на стоящія на Ахтубѣ суда и доставляется въ Астрахань и другія мѣста на посолъ рыбы.

Видъ города Астрахани.

По берегамъ все чаще стали попадаться рыбныя заведенія, или такъ называемыя ватаги. Мы стали уже подходить къ самому средоточію рыбнаго промысла, одного изъ наиболѣе обширныхъ на свѣтѣ. Тутъ при деревянныхъ постройкахъ, снаружи похожихъ на большія избы или, скорѣе, на сараи, находятся обыкновенно ледники для посола рыбы, такъ называемые выходы; потомъ еще разные амбары, кладовыя и пр. У берега стоятъ обыкновенно нѣсколько лодокъ-рыбницъ, мѣстами растянуты длинныя рыболовныя сѣти.

Во второй половинѣ марта, лишь вскроется Волга, рыба изъ моря идетъ вверхъ по рѣкѣ для метанія икры. Прежде всего показывается вобла. Эта не очень большая рыба, величиною съ порядочнаго карася, въ сушеномъ видѣ развозится во всѣ концы Россіи и по дешевизнѣ своей идетъ преглавнѣйше на потребу бѣднаго люда. Воблу преслѣдуетъ бѣлуга; затѣмъ тянется щука, лещъ и судакъ. Среди апрѣля появляется огромными косяками сельдь, которую за невоздержную рѣзвость ея прозвали бѣшенкой. Слѣдомъ за нею идутъ хищниками севрюга, сомъ, стерлядь, осетръ. Бѣшенка преслѣдуется не только промышленниками и этою крупною рыбою, но также птицами въ родѣ баклановъ, чаекъ-мартышекъ и др. Въ это горячее время по рѣкѣ, по ёрикамъ ея киш-

мя кишатъ лодки съ рыбаками; всѣ заняты ловлею рыбы. Около половины мая ловъ почти совсѣмъ прекращается; зато въ ватагахъ работа кипитъ съ ранняго утра до поздней ночи. По временамъ съ парохода можно было видѣть, какъ на берегу въ ватагахъ не только мужики, но также бабы, одѣтыя для большаго удобства въ шаровары, суетились вокругъ огромныхъ чановъ. Они тамъ солятъ, сушатъ, складываютъ всякую рыбу въ кучи, которыя издали походятъ на сложенныя въ сажени дрова. Вся эта несмѣтная масса рыбы грузится затѣмъ на суда и разсылается во всѣ концы русской земли на пропитаніе богатаго и бѣднаго люда, особенно во время постовъ.

Послѣ метанія икры рыба возвращается большею частью въ море. Осенью она опять идетъ въ рѣки на отдыхъ и ложится тамъ въ глубокія ямы или омуты, называемыя ятовьями. Предаваясь какъ бы спячкѣ, она лежитъ въ нихъ одна на другой нѣсколькими слоями. Тутъ промышленники зимой вылавливаютъ баграми изъ-подо льда цѣлыя груды красной рыбы.

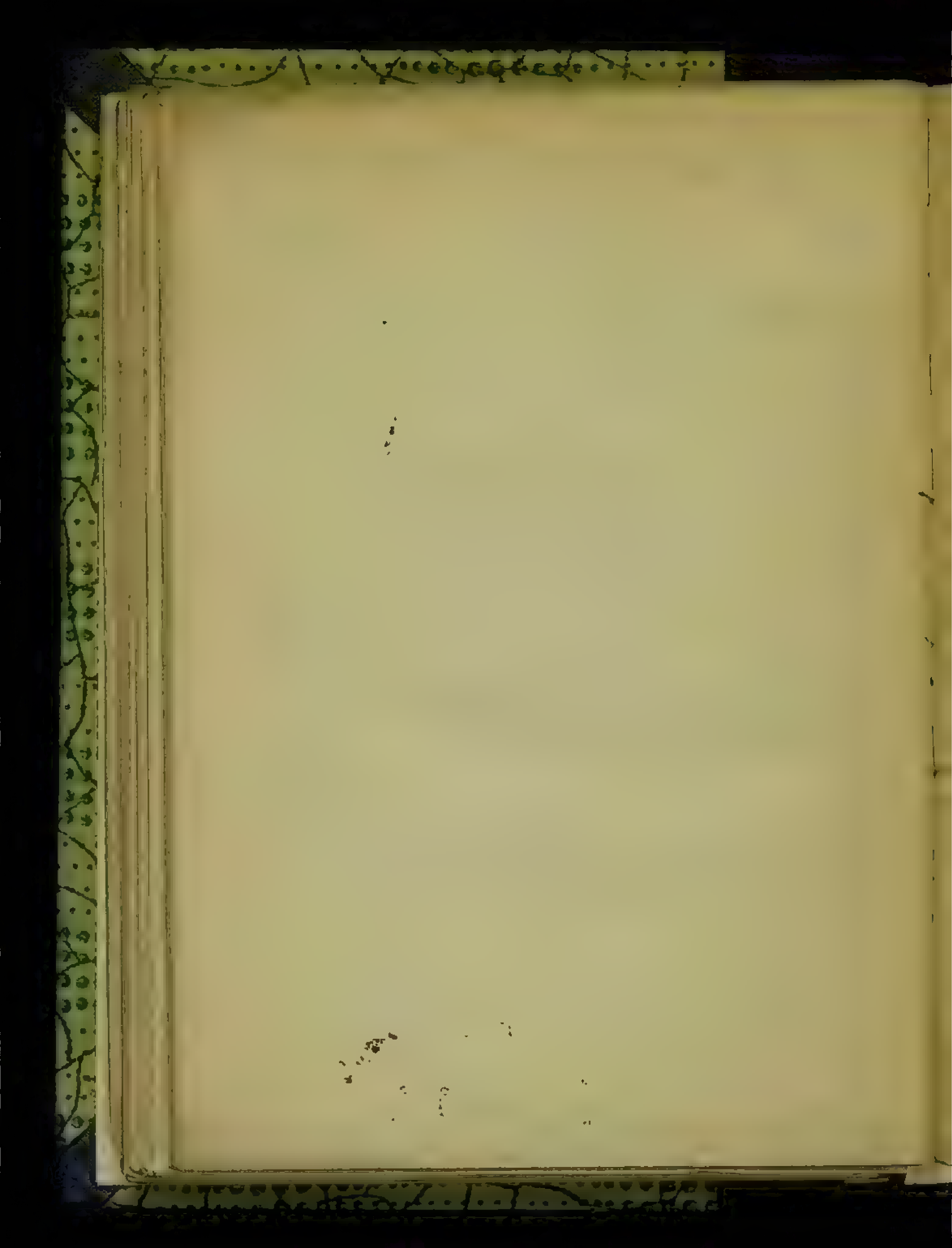
Миновавъ незначительный городокъ на правомъ берегу, а именно Черный Яръ, и нѣсколько казачьихъ станицъ съ разсыпанными между ними ватагами, мы приблизились къ тому мѣсту, гдѣ Волга отдѣляетъ отъ себя во всѣ стороны

притоки, образуя такимъ образомъ обширную дельту.

Рано утромъ на зарѣ мы прошли мимо одного изъ главныхъ отдѣлившихся отъ Волги рукавовъ, по прозванію Болда. Вслѣдъ затѣмъ, при восходѣ солнца, на лѣвомъ берегу показались сады съ виноградниками, а тамъ вдали, словно надъ морскою поверхностью, громоздились городскія строенія и главы величественнаго собора въ Астрахани. Пароходъ подошелъ къ обширной гавани, покрытой цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Пароходы и много всякихъ судовъ тѣснятся у многолюдной пристани. Любуясь издали раскинувшеюся передъ нами широкою картиною гавани и самаго города, можно было вообразить, что передъ нами не расположенный на самой окраинѣ Европы, на границѣ съ Азіей городъ, а напротивъ—что это одинъ изъ самыхъ оживленныхъ портовъ въ Сѣверной Америкѣ. Но намъ стоило лишь ступить съ парохода на берегъ,—и мы съ перваго шага убѣдились, что находимся чуть ли не въ самой Азіи. И дѣйствительно, городскіе дома, похожіе скорѣе на обширные склады, вытянутые по обѣ стороны пыльной улицы, на которой среди русскаго люда то и дѣло попадаются калмыки и киргизы, бухарцы и хивинцы, армяне и персы,—все свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ Европа соприкасается уже съ Азіей.

Волга подъ Астраханью разливается такъ широко, что съ перваго взгляда гавань можно принять за приморскій портъ; на самомъ дѣлѣ, однако, до устья рѣки осталось еще около ста верстъ, такъ что подъ городомъ не соленая морская вода, а прѣсная, въ чемъ я могъ убѣдиться, выкупавшись въ здѣшней купальнѣ. Астрахань расположилась какъ разъ у вершины волжской дельты съ ея мелководными рукавами. Да и сама коренная Волга мелѣетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ приближается къ своему устью. На ней, по пути къ Каспію, среди камышей, острововъ и болотъ слѣва, изрѣдка на правомъ берегу, попадаются жалкія лачуги, служащія пристанищемъ для рыбныхъ ватагъ. Проходя мимо нихъ, суда достигаютъ, наконецъ, вдавшейся въ море Бирючьей косы, гдѣ находится такъ называемая станція 9 футовъ. Тамъ вся кладь и пассажиры переводятся уже на болѣе обширные пароходы, совершающіе свои рейсы по Каспійскому морю. Отсюда можно добраться между прочимъ до Узунъ-Ада, до этой, знакомой уже намъ, исходной станціи Закаспійской желѣзной дороги.

Конецъ.

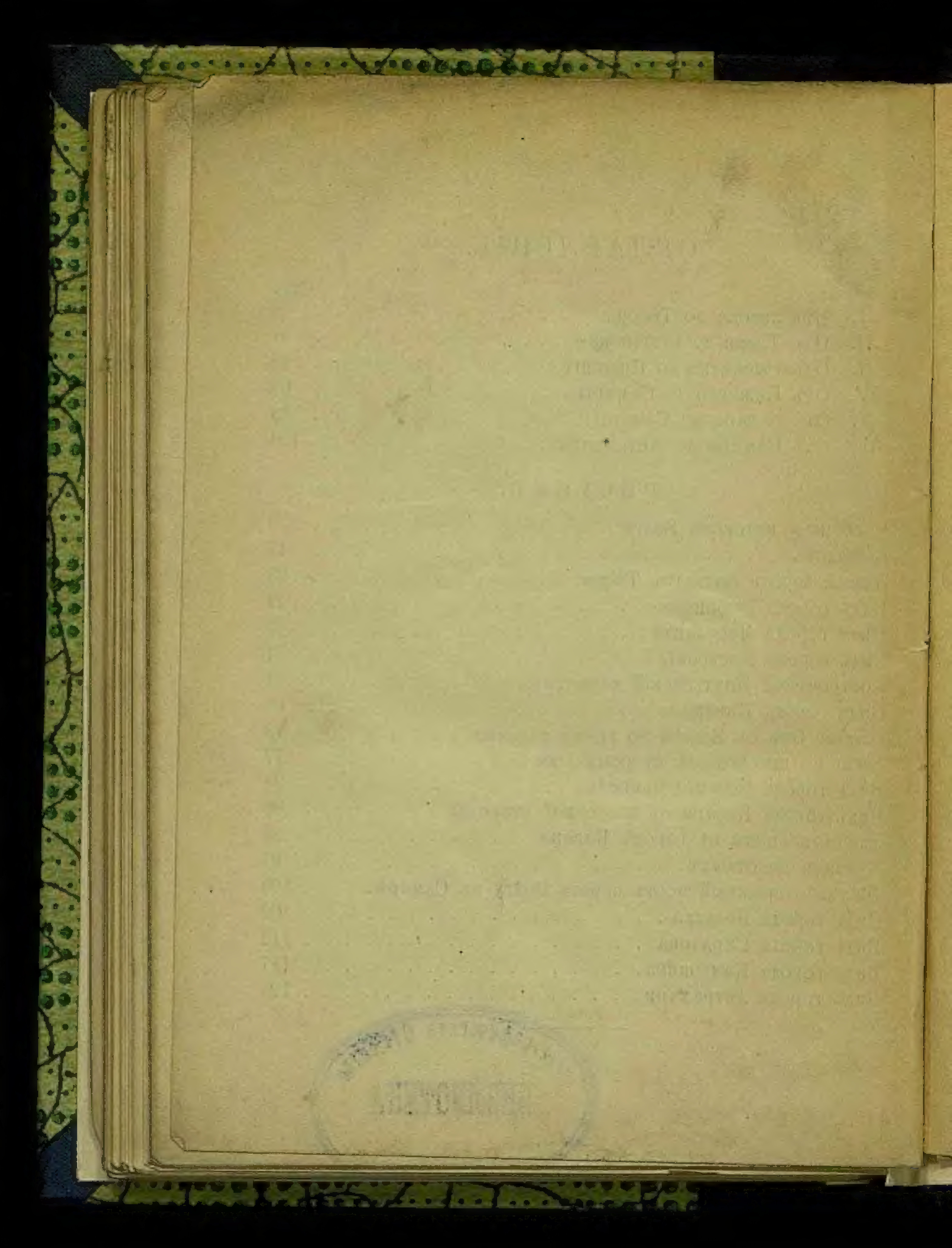
ОГЛАВЛЕНІЕ.

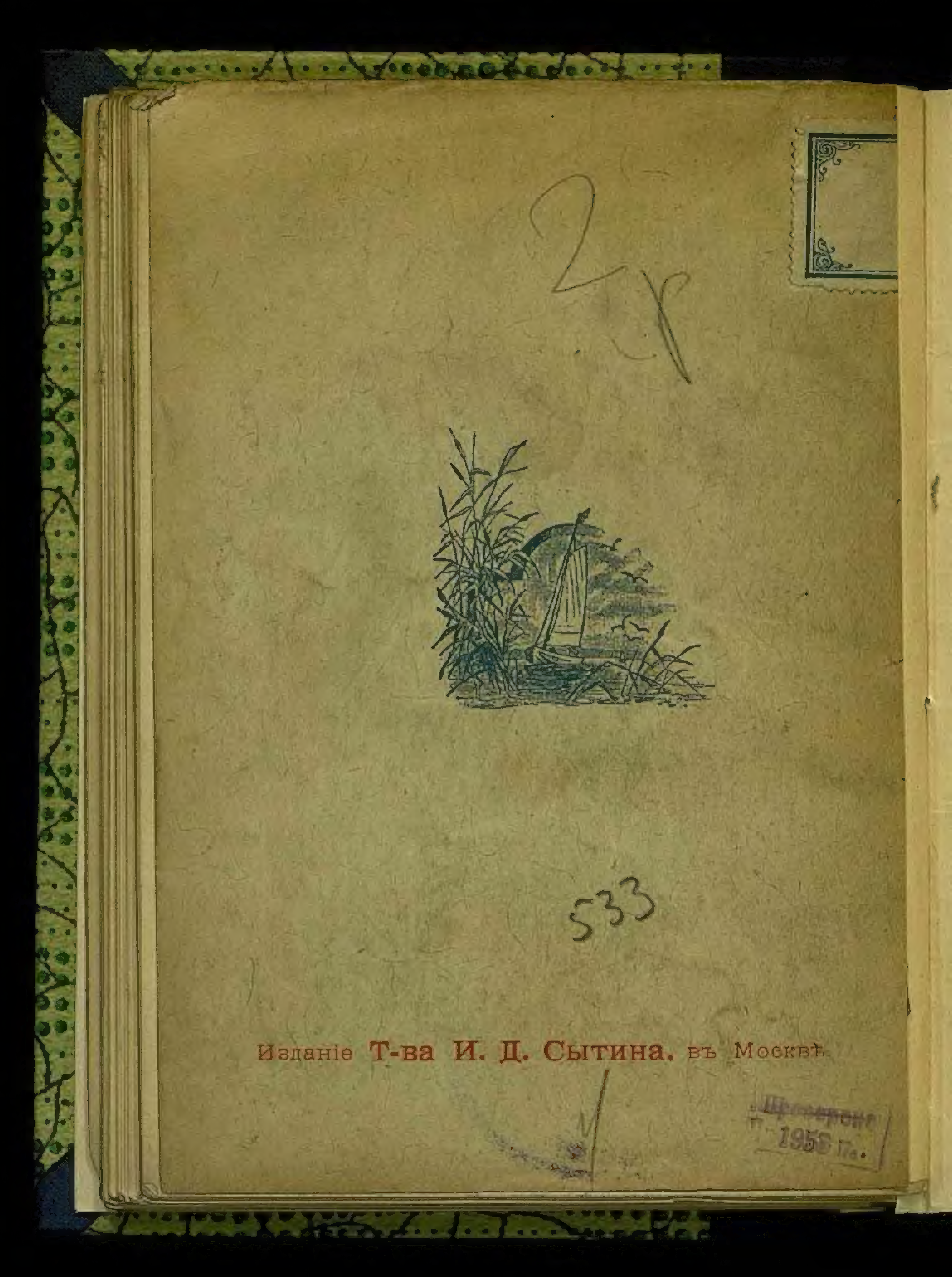
Стр.

I. Отъ истока до Твери 5
II. Отъ Твери до Рыбинска 31
III. Отъ Рыбинска до Нижняго 48
IV. Отъ Нижняго до Самары 62
V. Отъ Казани до Самары 84
VI. Отъ Самары до Астрахани 104

РИСУНКИ.

Часовня у истоковъ Волги 9
Бейшлотъ 17
Лѣвый берегъ Волги въ Твери 33
Видъ города Рыбинска 41
Видъ города Ярославля 49
Видъ города Костромы 57
Костромской Ипатьевскій монастырь 61
Видъ города Кинешмы 65
Сліяніе Оки съ Волгой во время разлива 73
Нижній-Новгородъ со стороны Оки 77
Видъ города Козьмодемьянска 81
Видъ города Казани съ восточной стороны 89
Уличныя сцены въ городѣ Казани 93
Бурлаки на отдыхѣ 97
Желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу въ Самарѣ 105
Видъ города Вольска 109
Видъ города Саратова 112
Видъ города Камышина 117
Видъ города Астрахани 121

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ.